

ПОЛ ПЕН

ОГОРНЬКИ СВЕТЛЯЧКОВ

ТЕ, КТО ЛЮБЯТ РОМАНЫ В ДУХЕ СТИВЕНА КИНГА,
ПОЛНЫЕ НЕДОСКАЗАННОСТИ, СТРАХА ЗАМКНУТОГО
ПРОСТРАНСТВА, НАЙДУТ ТО, ЧТО ИСКАЛИ.

[Amazon.com](https://www.amazon.com)

Пол Пен

Огоньки светлячков

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35749671

П. Пен. Огоньки светлячков: ЗАО «Центрполиграф»; Москва; 2018

ISBN 978-5-227-08337-1

Аннотация

Удивительная завораживающая и драматическая история одной семьи: бабушки, матери, отца, взрослой дочери, старшего сына и маленького мальчика. Все эти люди живут в подвале, лица взрослых изуродованы огнем при пожаре. А дочь и вовсе носит маску, чтобы скрыть черты, способные вызывать ужас даже у родных. Запертая в подвале семья вроде бы по-своему счастлива, но жизнь их отравляет тайна, которую взрослые хранят уже много лет. Постепенно у мальчика пробуждается желание выбраться из подвала, увидеть жизнь снаружи, тот огромный мир, где живут светлячки, о которых он знает из книг. Ему даже удастся приоткрыть завесу тайны. Но в жизни часто бывает, что кажущееся одним, на самом деле оказывается совсем другим...

Содержание

Шестью годами ранее	5
Настоящее время	11
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Пол Пен

Огоньки светлячков

Paul Pen

El Brillo de las Luciernagas

© Paul Pen, 2018 Translation rights arranged by DOS
PASSOS Agencia Literaria

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполи-
граф», 2018

© Художественное оформление «Центрполиграф», 2018

* * *

*Посвящается моему отцу, подарившему мне
первую книгу о насекомых, и маме, сделавшей из
свадебной фаты мой первый сачок для бабочек*

Шестью годами ранее

1

Однажды вечером я задал отцу вопрос. Наша семья к тому времени уже пять лет жила в подвале. Пять лет прошло со дня пожара. Для меня это был не срок, я родился сразу после того, как мы пришли сюда.

– Почему мы не можем выйти?

Отец поправил отрывной календарь на стене и сел за стол, за единственный и очень большой стол, расположившийся в самом центре пространства, служившего нам гостиной, кухней и столовой.

– А почему ты хочешь выйти? – ответил он вопросом. – Вся твоя семья здесь.

Мама так низко склонила голову, что подбородок уперся в грудь. Кажется, она даже закрыла глаза. В помещении, освещенном лишь несколькими голыми луковичками ламп, свисавших с потолка, всегда царил полумрак. Порой их стеклянные тела казались мне жертвами самоубийства, оставшимися болтаться на веревках-кабелях.

– Подойди, сынок. – Отец отодвинулся на стуле и призывно похлопал по коленям.

Волоча ноги, я подошел к нему. Исходивший от пола холод пробирался к телу сквозь дыры на пятках. Тогда я еще носил штанишки, похожие на колготки. Отец легко подхватил меня и усадил на колени. Я сразу прижал ладони к его лицу, как часто делал в первые дни жизни в подвале. Почему-то мне очень нравилось прикасаться к обожженной коже. Шрамы и рубцы на щеке отца от левого глаза до уголка рта казались мне, ребенку, загадочными и притягательными.

– Прекрати, – осадил отец, опуская мою руку. – Лучше оглядись. Это твоя семья. – Мама, брат и бабушка сразу повернулись ко мне. Только сестра смотрела куда-то в сторону. – И та, кто на тебя не смотрит, тоже часть этой семьи. – Голова повернулась на шее, и на меня уставились глаза в прорезях белой маски. – Видишь их? – продолжал папа. – Они, ты и я – все, что нам нужно. Там, наверху, нет ничего стоящего. Помнишь, мама случайно плеснула на тебя раскаленное масло, когда стряпала?

Это случилось несколькими неделями ранее, мама тогда готовила завтрак. Тьма подвала и плясавшие на стенах тени искажали реальность, некоторые простые задачи становились трудновыполнимыми. Я прополз между маминими ногами, она пошатнулась и обрызгала меня шипящим маслом. На самом деле я был сам виноват.

– Помнишь, как болел волдырь? Вот здесь. Помнишь? – спросил отец, отодвигая рукав пижамы, и ткнул точно в то место, где находился заживший волдырь. Теперь от него не

осталось и следа. – Ох, ты весь в слюнях. Когда же ты перестанешь сосать пальцы? – Чуть шевельнув головой, он мельком глянул на маму. – Помнишь, как болел этот водяной пузырь? – Взгляд опять сфокусировался на моей руке. – Так вот, мир наверху создан из таких пузырей. Только они намного больше того, что был у тебя.

Он с такой силой сжал мою руку, что на секунду прежняя боль от волдыря вернулась.

– Там, наверху, эти пузыри в сотни раз больше. Ты не выдержишь боли. – Пальцы сдавили руку. – Боль накинется на тебя, стоит только ступить на поверхность.

Я открыл рот, но ничего не сказал. Боль сжала горло, теперь она была страшнее той, вызванной волдырем, следом появилась новая, в запястье, которое отец по неосторожности едва не сломал. Помню, как я сдавленно вскрикнул, как щеки стали горячими и влажными.

– Прошу тебя, хватит. – Голос, чуть громче шепота, принадлежал маме. Папа меня отпустил, но боль еще некоторое время давала о себе знать.

– Теперь ты понял, что не хочешь покинуть свой дом? Если ты это едва стерпел, что же будет наверху? – Отец погладил меня по руке и поцеловал запястье, все в красных пятнах следов от его пальцев. – Вот так, мой храбрый солдат, все хорошо. Папа не хочет причинять тебе боль, он хочет, чтобы ты понял. Пойми, это лучшее место из всех, где мы можем быть. Лучшее на всей Земле. Хочешь потрогать мое лицо?

Он положил мою ладонь на шрамы и позволил несколько раз провести по ним. Он знал, как мне это нравится. Я даже смог успокоиться. Обычно я немного дольше задерживался там, где начиналась жесткая щетина, отраставшая в труднодоступных местах, – папе не удавалось ее сбрить. Получился колючий шрам. Мне нравилось водить по нему пальцами.

– Хотя, – произнес отец и тряхнул головой, сбрасывая мою руку, – кто сказал, что тебе нельзя подняться наверх?

Бабушка резко дернулась, и руки ее исчезли со стола. Я видел, как они скрылись где-то внизу. Неуловимо изменились позы и остальных моих родственников. Плечи расправились, спины выпрямились. Правда, мама так и не подняла головы.

– Дверь там, – продолжал отец, сделав широкий жест. Другой рукой он повернул мою голову, заставляя посмотреть. – Всего в нескольких шагах. Она не заперта. Всегда открыта. Разве кто-то сказал тебе иное?

В полной тишине отец оглядел всех сидящих за столом.

– Может, мать? Брат или сестра? Она? – Он ткнул подбородком в сестру. – Она слишком много болтает. Не думаю, что это твоя бабушка. Ей-то известно, что дверь всегда открыта.

Папа взял меня под мышки и опустил на пол. Камень вновь стал холодить ноги.

– Вперед. – Отец легко шлепнул меня по попе. – Иди к двери и посмотри сам.

Я хотел повернуться к маме, но отец держал мою голову так, чтобы я мог видеть только дверь.

– Давай иди, если хочешь. – Следующий шлепок был более ощутимым, и я невольно сделал шаг вперед. – Открывай дверь и ступай. Ты же этого хочешь, верно? Так действуй. О нас не думай, забудь. Мы останемся здесь.

За спиной скрипнул, отодвигаясь, тяжелый стул, видно, кто-то решил встать. Но так и не поднялся. Я осторожно сделал еще шагок. В подвале всегда пахло морковью, и я обожал этот запах. Так пахла ночь. О том, что ее сменил день, я узнавал благодаря блеклому лучу света, бежавшему от одной щели в полу или потолке к другой. Аромат моркови появлялся всякий раз, когда исчезал луч. Если я выйду на поверхность, то больше никогда не поем мамино морковного супа. Я замер, останавливаемый глубоким чувством невосполнимой потери. Сердце сжалось от желания вернуться на колени к папе и погладить шершавый шрам.

– Ты еще здесь? – раздался его голос. – Что же ты? Ступай к двери. Открывай и беги. Уходи из подвала, раз тебе так любопытно узнать, что там, наверху.

Я зашагал к двери, не останавливаясь. Никогда в жизни я не был к ней так близко. Наличие двери теряет смысл, если ею никогда не пользоваться. Она становится частью стены. Встав напротив, я принялся сосать палец. И даже весь вспотел. Потом я повернулся и оглядел всех, сидящих за столом. Мама подняла голову и посмотрела на меня. Глаза ее бле-

стели. Отец развернул стул обратно к столу и сидел, разведя ноги. Подняв руку, он помахал мне, прощаясь. По моей руке пробежала дрожь, сверху вниз от предплечья. Вытащив палец изо рта, я потянулся к дверной ручке, угрожающе зависшей в нескольких дюймах над моей головой. Первый раз она выскользнула из мокрой ладони. Я вытер пальцы о штанину и задержал дыхание, чтобы не чувствовать, как пахнет мамин морковный суп, а запах этот уже пробирался в мой желудок.

Собравшись с духом, я попытался еще.

На этот раз ручка поддалась.

Настоящее время

2

В подвале было два окна. Одно в конце коридора, второе в кухне. По ту сторону были решетки и стена. Когда мне было десять лет, я мог, приложив усилие, огромное, до боли в плече, просунуть руку между двумя решетками и средним пальцем дотронуться до стены. Опять же бетонной. Из обоих окон было видно одно и то же, такое впечатление, что подвал был коробкой внутри коробки побольше. Однажды я взял зеркало из ванной и просунул сквозь решетку, поместив между ней и стеной напротив. В нем отразилась лишь чернота. Темный потолок над головой. Коробка внутри коробки. Иногда я прижимался лицом к решеткам и вглядывался в темноту, ставшую для меня внешним миром. Мне нравилось так делать, потому что дуновение ветра ласкало кожу. Этот воздух был совсем не таким, как в подвале.

– Не слышишь, как орет твоя сестра? – спросил отец в тот день, когда родился младенец. – Ты нужен нам в кухне. И закрой окно. Немедленно.

Папа открыл дверь своей комнаты ключом, который всегда висел у него на шее, и сразу же закрыл передо мной. Глаза

были сухими, и мне пришлось несколько раз моргнуть. Сухими сделал их ветер. Потом я услышал крик сестры. Видимо, я был слишком поглощен ветром, раз не услышал такие крики. Они вырывались, кажется, не из ее горла, а из самого живота, откуда-то из глубины тела. Дверь опять приоткрылась, и отец потащил меня по коридору в общую комнату.

– Встань там, – велел отец. – Держи ногу.

Сестра лежала на столе и была одета лишь до талии. Под ней лежала простыня с ее кровати. Мама стояла у ее головы и держала за руку. Сестра смотрела вниз, на свою промежность, лицо ее было белой маской и не выражало никаких эмоций. Три отверстия на белом фоне – два глаза и рот. Брат, цеплявшийся за вторую ее ногу, тоже пытался разглядеть, что творится в ее промежности. Бабушка вскипятила воду в двух больших кастрюлях. Она задержала руку над плитой, чтобы понять, насколько она горячая.

Отец подошел к ней и протянул два полотенца.

– Думаешь, этого хватит?

Без слов бабушка вырвала их из его рук и бросила одно в кастрюлю что побольше.

Отец так и остался стоять, опустив голову и с поднятой рукой, будто ничего не заметил.

– Иди сюда, – наконец сказал он мне. – Держи ее за ногу.

Я схватил колено сестры и прижался к нему лбом, чтобы ничего не видеть. Я не смел поднять глаз. Сестра опять закричала. Отец покосился на окно и вытер ладони о брюки,

словно они вспотели.

– Сынок, а второе ты оставил?..

Не договорив, он выбежал в коридор. Сестра заорала еще громче. На этот раз она даже не открыла рта. Звуки просачивались между зубами, мне на руки попадали брызги слюны.

– Дыши, – сказала мама, продолжая сжимать кулак дочери. Она склонилась к выступающему сбоку от маски уху и начала показывать, как это делать правильно, как дышат, когда долго едут на велосипеде. – Дыши, моя девочка... Не волнуйся... просто дыши, как я.

Сестра попробовала подражать ей, внезапно ее колено выскользнуло из моих рук. Я отступил, чтобы она не ударила меня по лицу. Она бешено брыкалась и лупила по столу пяткой. Ей удалось оттолкнуть брата, упереться ногой в стол и изогнуться так, что бугорок между ног был теперь обращен к потолку, а не к стене, как прежде. Словно обессилив, она упала на стол. Копчик ударился о дерево, издав звук, похожий на удар молотка. Между ног что-то захлюпало.

– Я не могу дышать в этой маске! – выкрикнула сестра. Слова были полны ярости и боли, они мешали ей даже говорить. – Уберите эту дрянь!

Она корчилась и била по столу ногами. Мы с братом попытались ухватить их, и я заметил, что простыня пропитывается чем-то склизким и зловонным, отчего меня сильно затошнило. Мама стиснула руки и закричала, страдальчески открыв рот, когда увидела, что сестра пытается стянуть мас-

ку. Ей удалось схватить ее за твердый нос и оторвать от лица.

Отец сжал запястье сестры и отвел ее руку. Растопырив пальцы, она истово тянулась к белому пластмассовому носу. Отец удерживал ее с большим трудом, даже костяшки побелели. Она снова закричала так пронзительно, что ушам стало больно. Отец отбросил безвольную руку сестры, словно та была чем-то отвратительным. Она упала на стол, ударившись локтевой костью.

– Прекрати вести себя так глупо. Твоя мать тоже здесь рожала. – Папа покосился на меня. – И не наделала столько шума. Ты уже не маленькая девочка. В твоём возрасте у мамы было двое детей.

– Мне было даже меньше, – вмешалась мама. – Двадцать шесть.

Сестра перестала дергать ногами, и мы с братом снова крепко в них вцепились.

Отец оглядел сестру с ног до головы, улыбнулся и спросил:

– Больно?

Брат издал гортанное бульканье, что было одним из любимых вариантов его смеха. Папа отвлекся на него и не заметил легкого движения – рука сестры медленно поползла вверх. На этот раз ей удалось дотянуться до лица и накрыть рукой маску. Услышав скрип протезного пластика, отец спохватился и повернулся. Зная, что времени остановить ее недостаточно, он бросился ко мне и прижал лицом к своему животу,

лишая возможности что-либо видеть, а потом боком вытолкнулся в коридор. Мы вошли в мою комнату, и отец усадил меня на нижнюю койку двухъярусной кровати.

– Тебе повезло, – сказал папа и выкрикнул в открытую дверь, обращаясь к сестре: – Давай снимай, если хочешь, чтобы твой новорожденный ребенок сразу увидел изуродованное лицо матери! – Потом он повернулся ко мне и закрыл мои глаза большими пальцами рук. – Мне решать, что увидит мой сын.

Свет не проникал сквозь закрытые веки, но лучик плясал, мелькая на фоне тьмы в моей голове.

Лежа лицом вниз на полу в общей комнате, я попытался перевернуться так, чтобы дотянуться до солнечного пятнышка. Сквозь щель в потолке удалось пробиться сразу несколькими лучикам, но они образовали пятно на полу не больше монеты. Оно появлялось каждый день и двигалось быстро от одной стены к другой.

– Интересно, откуда этот свет? – Я сжал пальцы, ухватив лишь воздух.

– Спроси своего отца, – равнодушно ответила мама.

На руке она держала младенца и мыла его в наполненной водой раковине. Сестра осталась одна в своей комнате, когда мама вышла оттуда, неся коробку для вязания.

Стоя у стола, брат собирал мокрые полотенца, простыню и складывал в кучу. Высунув язык от усердия, он попытался

соединить края одного из них ровно, что оказалось задачей для его рук невыполнимой, и он с рычанием отбросил полотенце на пол и скрестил руки на груди.

Я накрывал ладонью пятнышко света, а потом убирал руку и подставлял ее под лучик, словно под струю воды, от которой не становилось мокро. В его свете кожа казалась белее и прозрачнее, чем виделась обычно. Я даже мог разглядеть голубые с фиолетовым линии сосудов.

– А из чего сделано солнце?

Я услышал, как мама в кухне глубоко вздохнула. Когда она так делала, из ноздри, сильно пострадавшей от огня, вырывался странный свистящий звук. Мама обернулась, посмотрела на меня и сказала:

– Это твой племянник.

Ребенок заплакал. Ладонь моя даже не успела нагреться, когда луч исчез, а вместе с ним и подсвеченная полоса пыли в воздухе. Вылетел, как бабочка из пальцев незадачливого ловца. Оттолкнувшись руками от пола, будто собирался делать отжимания, я встал и подошел к маме. Она улыбнулась, обожженная щека дернулась, и левый глаз, как всегда, закрылся. На вытянутых руках она показала мне ребенка.

– Я ведь не уроню его, правда?

Мама перевела взгляд на моего брата, следившего за нами из-за стола.

– Думаю, нет. Протяни руки.

Я послушно сделал, как она велела. Младенец, заверну-

тый в сухое полотенце, поджимал и вытягивал губки. Ноздри крошечного носика расширились всякий раз, когда он вдыхал новый воздух подвала, ставшего его миром. Глаза были плотно закрыты. Руки мои непроизвольно задрожали под весом тельца.

– Я ведь не уроню его, правда? – нервно повторил я.

Поддерживая одной рукой ребенка, мама согнула другой мою руку в локте, чтобы получился прямой угол. Я застыл в оцепенении в новом положении, как палочник, имитирующий веточку. Мама стала умело перекладывать младенца, устроила на моих ладонях и опустила, как в колыбель, на согнутую руку.

– Не хочу случайно уронить его, – твердил я.

На мгновение мама застыла в нерешительности. И все же передала мне ребенка. Брат презрительно фыркнул.

Составленные стопкой тарелки на тумбе подскакивали и дребезжали всякий раз, когда он делал шаг. Наконец он встал у меня за спиной. Я сразу ощутил, как стало теплее от близости его тела. Брат стал подталкивать ребенка обратно маме. Не хотел, чтобы я его держал.

Перезвон тарелок повторился, когда он вернулся к столу, поднял кучу тряпок и скрылся в коридоре. Мамина ноздря вновь странно засвистела.

Утром следующего дня после рождения малыша я проснулся раньше обычного. Я сразу это понял, потому что

услышал храп брата с верхней койки, хотя меня всегда будили звуки с кухни, где мама готовила завтрак. Я лежал и смотрел в темноту. Что-то царапало стену с другой стороны. В подвале водились крысы.

Между всхрапами брата издалека доносилось хныканье младенца.

Я тихо открыл дверь нашей спальни. Отец не любил, когда мы бесцельно бродили по подвалу. Просунув голову в щель, я оглядел общую комнату. Пятно света было уже на полу, но гораздо дальше привычного места. Должно быть, еще действительно очень рано.

В другом конце коридора опять захныкал ребенок. Отец поставил его кроватку в спальню, которую делили бабушка с сестрой. Я ждал, что кто-то из них проснется и устранил причину беспокойства малыша, но не услышал никакого шевеления. Ребенок хныкал все громче.

Я вошел в комнату и приблизился к кроватке. Помню, как в подвале появилась стопка досок, которую папа превратил с помощью набора инструментов в конструкцию, в которой сейчас лежал ребенок. Глаза его были открыты. Младенец заплакал. Бабушка рядом громко захрапела. Я повернулся к другой кровати и разглядел в темноте очертания белой маски сестры, не разобрав, однако, лежит ли она на лице или в складках простыни.

Бабушка пошевелилась и задышала ровно и тихо. Я склонился над ребенком и погладил по животику. Малыш сразу

закрыл глаза.

Поразмыслив несколько секунд, я взял его на руки, прижал к груди, а головку положил на согнутый локоть, как показывала мама. Затем я вышел и отправился в общую комнату. Там я устроился на полу рядом с пятнышком света и скрестил ноги. Ребенок тихо лежал на моих руках. Подавшись вперед, я подставил его личико под лучик света, и оно сразу засветилось.

– Это солнце, – объяснил я малышу.

Мы сидели так несколько минут, пока не раздался крик проснувшейся сестры.

3

– Никто не украл твоего ребенка, – сказал отец, когда мы все вместе завтракали.

Сестра фыркнула под маской, открывавшей глаза в прорезях. Взгляд был направлен в сторону и вниз, в пол. Яйца, которые жарила мама, шипели, выливаясь в раскаленное масло. Я подумал, что они страдали так же, как мы когда-то при пожаре. Они тоже кричали.

– Это я утром взял ребенка, – признался я. – Проснулся рано и хотел показать ему... – Я заметил на поверхности стола солнечный кружок и замолчал.

– С каких это пор тебе позволено так рано выходить из своей комнаты? – вмешался отец. – Ты представляешь, как

напугал бабушку и мать, когда они услышали крики сестры? – Отец ткнул в меня пальцем. – Она решила, что ее ребенка украли.

Мне было стыдно, и я молчал. Брат боролся с рвущимся наружу смехом, но тот все равно вырвался через нос.

Сковорода с шумом опустилась в раковину, и появилась мама с большим блюдом жареных яиц. Она говорила, что их надо держать на плите, пока вокруг белого круга не появится черная кайма.

Потому в такие минуты в кухне всегда пахло горелым. Свободной рукой мама разгладила скатерть. Несколько капель горячего масла упали с тарелки на ее пальцы, рядом со старыми шрамами. Я пересчитал семь ярких, оранжевых желтков.

– Я кричала совсем не поэтому, – заявила сестра. – Кто может его украсть?

– Человек-сверчок! – сказал я.

– Помолчи, – велел отец.

– Кто может его украсть? – повторила сестра и вздохнула, издав булькающий звук. – Тот, Кто Выше Всех? – Она повернулась к отцу и добавила: – Я кричала, потому что не могла проснуться.

В комнате заплакал ребенок.

– Видите? – продолжала сестра, по-прежнему не отрывая глаз от пола. – Он здесь. А я не могла проснуться.

Стул под братом едва не упал, отскочив назад, когда он

резко встал и подошел к сестре. Его поспешные шаги вызвали небольшой шторм в моей чашке с молоком. Отец вытянул руку, создавая на его пути высокий барьер.

– Не надо, – сказал он, и брат засопел.

– Что это значит? – обратился отец к сестре.

Она тоже засопела и не ответила. Рука отца рванула вперед, к ее лицу, и подняла голову за подбородок. Глаза сестры смотрели на меня. Теперь я их видел. В прорезях застывшей маски.

– Кошмар приснился, – ответила сестра.

Бабушка склонила голову набок, рука ее поползла по столу, пока не коснулась маминой руки. Потом она ее сжала.

– Надо было раньше обо всем думать, – отрезал отец и повернул голову сестры в сторону коридора. – Хочешь ты этого или нет, но там плачет твой сын.

Сестра шумно сглотнула. И без того распухшие вены на шее стали еще толще. Она застыла и не пошевелилась, пока отец не отпустил ее. Голова ее упала на грудь. Я не думал, что сестра что-то скажет, но она произнесла:

– Только мой?

– Довольно, – вмешалась бабушка.

Ладонь отца, двинувшись было опять к лицу сестры, зависла в воздухе между ними.

– Возьмемся за руки. – Бабушка раскинула руки в стороны.

Мама взяла ее за правую руку, сестра за левую. Остальные

поступили так же с соседом. Когда мы образовали круг, бабушка вознесла хвалу:

– Благодарим Того, Кто Выше Всех, за позволение вкушать пищу ежедневно.

Она поцеловала распятие, висевшее на ее шее.

Мама убирала тарелки после завтрака. Из одной она вывалила еду в ведро для мусора, проследив, чтобы яйцо не растеклось, а соскользнуло аккуратно. Когда она встала у раковины, я решился подойти к ней.

– Если бы ты его не разбила, – я указал на открытую коробку с яйцами, – мог из него вылупиться цыпленок?

Мама опустила голову, поворачиваясь ко мне.

– Цыпленок?

Она улыбнулась, и левый глаз закрылся, хотя это ей не было нужно. Я обхватил ее за талию и прижался щекой к животу.

Папа рассмеялся, услышав мой вопрос. Он читал, теребя пальцами висевший на шее ключ. Отец отложил книгу, встал, взял яйцо из картонного гнезда и присел, опершись коленом в пол. Яйцо он держал на вытянутой руке тремя пальцами между моим лицом и своим.

– Отпусти мать. – Он оттащил меня в сторону и поднял мою руку, потянув к себе. – Давай посмотрим, что там внутри.

Он положил яйцо мне на ладонь и сжал мои пальцы. Я

был уверен, что слышал писк цыпленка, пытавшегося разбить скорлупу, что у него получится, преграда рухнет, и я увижу между пальцами желтый пушок. Отец взял мой кулак в свой и стал давить. Он был сильный, и яйцо, хрустнув, развалилось. Между нашими пальцами полилась липкая, густая жидкость. Отец стряхнул ее, брызнув мне в лицо.

– Ты же не хочешь, чтобы в нашем доме появился кто-то еще, – сказал папа. – И вообще, из этих яиц ничто не может вылупиться. Они не оплодотворены.

Он исчез в коридоре, шаркая по полу коричневыми тапками.

По моей ладони текла холодная слизь, потом яркий желток плюхнулся на пол. Я смотрел на него совершенно равнодушно. Мамин нос просвистел, и она опустила на колени напротив. Я почувствовал прикосновение мокрой тряпки прежде, чем ее увидел. Не мог оторвать взгляд от скорлупы и смерти в липкой лужице у моих ног. Мама тщательно вытерла каждый мой палец. От запаха нашатыря я внезапно раскашлялся.

Мамины глаза стали влажными.

– Что случилось? – спросил я.

– Нашатырь, – ответила мама.

– Но я же не плачу.

Мама пожала плечами.

– Вспомнила кое-что, – сказала она.

– Из жизни наверху?

Она кивнула.

Я поцеловал ее искалеченную щеку.

– Не грусти, – сказал я. – В подвале намного лучше, чем там.

Нос коротко присвистнул, потом мама склонилась к самому моему уху.

– Место, где ты находишься, лучше любого другого, – прошептала она.

Шею защекотало, и я отступил назад.

Тряпка упала на пол, и мама принялась убирать останки цыпленка, который никогда не родится, а потом вернулась к посуде в раковине. Я стоял рядом и смотрел на мокрые разводы на полу, там, где мама прошла тряпкой, до тех пор пока они не высохли.

Когда я шел к спальне, мама позвала меня по имени и попросила подойти. Она присела передо мной так же, как совсем недавно отец.

– Вот. – Она взяла меня за руку и разжала пальцы. – Положи его в тепло, тогда вылупится цыпленок.

– Но ведь папа сказал...

– Просто держи в тепле.

Я бросился в комнату, прижимая обеими руками яйцо к голому животу.

Брат сидел на своей койке, ноги его свисали в полутора ярдах от пола, пижамные штанины были заправлены в нос-

ки. Он мог сидеть так часами, покачивая головой и шевеля ногами и руками, будто шел по кукурузному полю, которого не было. Иногда брат насвистывал, но получалось у него плохо, потому что нижняя губа была рассечена пополам после пожара. Долгое время мама и отец не понимали, по какой причине он впадает в транс. Однажды днем, когда они пытались разговорить его или хотя бы заставить улыбнуться, в комнату вошла сестра. Она взяла с полки книгу. «Вы читали ее брату, когда он был маленький, – сказала она, показывая родителям обложку «Удивительный волшебник из страны Оз». – Вы и сами, наверное, уже не помните, это было еще наверху», – добавила она.

С той поры у нас появился, правда, единственный способ говорить с ним, когда он находился в другом мире.

– Эй, Страшила, ты ничего не видел, – сказал я. – И передай Железному Дровосеку и Льву, чтобы они тоже помалкивали.

Брат равнодушно глянул на яйцо в моих руках и продолжил насвистывать мелодию.

Я поднял с пола грязную футболку и завернул яйцо в нее – это было лучшее нечто, похожее на гнездо, которое я мог сотворить. Затем я убрал его в единственный ящик, который был моим личным, он был в тумбочке возле кровати, и ящиков там было два. К счастью, в нем оказалось достаточно места для моего кактуса, моих карандашей и моих книг про насекомых и шпионов, которые отец дарил мне в дни,

когда мне пекли торт. Гнездо с яйцом я устроил рядом с баночкой, из которой торчали карандаши, потом сел напротив, скрестив ноги, и достал книгу «Как стать мальчишкой-шпионом». Читать и писать меня учили мама и бабушка. Жизнь в подвале предоставляла много свободного времени. В книге было немало любопытных советов для детей, из нее я узнал, например, что лимонный сок можно использовать как невидимые чернила и писать секретные записки, который читаются только под лампой.

Когда я решил испытать эту хитрость впервые, мама выжала мне лимонный сок, потом я попросил ее держать бумажку под самой лампочкой, свисавшей с потолка. Мама не верила, что у меня получится, но все же подняла листок и принялась вглядываться.

– Я ничего не вижу, – сказала она. – Да и не увижу, как бы близко ни держала.

Через несколько секунд на бумаге стали проступать коричневатые знаки. Мама принялась двигать мою тайную записку так, чтобы тепло равномерно распределялось по поверхности. Везде, где я писал лимонным соком, появились коричневые полосы. В результате мое послание стало видимым: «Я же говорил тебе, что я настоящий шпион». Мама прочитала и улыбнулась. Нос несколько раз присвистнул.

– Ты оказался прав, – сказала она.

Теперь, сидя перед тумбочкой с раскрытой книгой, я искал конкретную страницу. Составив нужную последователь-

ность точек и тире, я четыре раза постучал по скорлупе ногтем, сделал паузу, ударил еще два раза и прижал яйцо к уху. Ни звука.

– Это азбука Морзе, – объяснил я цыпленку внутри.

Прислушавшись еще раз и убедившись, что ответа не будет, я положил яйцо в ящик и закрыл его, оставив небольшую щелку, чтобы услышать треск даже ночью, ведь он может вылупиться в любое время. Вернув книгу на место, я взял кактус. Над маленьким горшочком возвышались два шарика. Я нашел его однажды среди вещей, посланных нам Тем, Кто Выше Всех. Там были и доски, из которых папа смастерил колыбель, и морковь, из которой мама готовила суп на ужин. Пока кактус жив, с нами все будет хорошо. Мы должны быть такими же сильными, как это удивительное растение. Так сказала бабушка, отдавая его мне.

Я вышел из спальни, а брат все сидел на кровати и свистел. В общей комнате я лег на пол и положил подбородок на две ладони, сложенные перед собой одна на другую. Кактус я поместил на самое пятнышко света. Над иголками закружились пылинки. Луч скользил по полу, и я сдвигал горшочек, чтобы кактус всегда находился в его свете.

Если бы мой брат мог отправиться в страну Оз так же легко, как оказывался там мысленно, я бы тоже смог представить себя ковбоем из вестернов, которые смотрел папа.

Я провел весь день на полу, гуляя по пустыне среди гигантских кактусов.

Прошло много времени, прежде чем яйцо зашевелилось.

– Оно должно всегда оставаться теплым, – напомнила мама, и я тщательно следил за этим. Цыпленок должен вот-вот вылупиться. Видимо, папа обманул меня, сказав о неоплодотворенных яйцах. Впервые утром увидев, что яйцо перекатилось, я чуть не закричал от восторга, но сдержался, ведь это был наш с мамой секрет. Тот факт, что брат видел, как я копался в ящике, не означал, что он помнил об этом пять минут спустя. Я зажал рот обеими ладонями, не зная, что делать. Чувство отеческой ответственности подталкивало меня к быстрым действиям. Я взял яйцо и прижал к пупку. Скорлупа его была теплее, чем обычно. Я даже почувствовал, как бьется за ней сердце цыпленка. Бегом я помчался разыскивать маму, которая помогла бы ему вылупиться.

В общей комнате никого не было. Я несколько раз повернулся, изучая каждый угол помещения. В ванной также никого не оказалось, и мне пришлось отправиться в спальню родителей. Дверь здесь была железной, и у нее не было ручки, как у остальных, открыть ее можно было только ключом изнутри, а ключи были только у мамы и папы. Нам запрещалось заходить внутрь, но сейчас я был так взволнован удивительным событием, что несколько раз ударил по металлическому полотну лбом, надеясь привлечь внимание мамы.

– Иди к себе, – раздался изнутри ее голос.

– Мама, это очень важно, – сказал я и опять стукнул лбом. – Он скоро... – Тут я осознал, что отец, видимо, тоже там, с мамой, и не стал договаривать. – Мне очень нужно, чтобы ты вышла.

– Позже! – выкрикнула мама. – Сейчас я не могу.

– Пожалуйста, – настойчиво заныл я.

Вытянув руки с беспомощным яйцом, я задумался, что же теперь делать. Мама ведь справилась с родами сестры, когда была чрезвычайная ситуация, сейчас тоже чрезвычайная ситуация. Я умолял ее и хныкал, прижимаясь лицом к дверной раме. Папа не любил, когда я плачу, и я знал, что он скоро начнет ругаться из-за двери.

Наступила тишина, потом я услышал приближающиеся мамины шаги. Она хотела открыть дверь и выяснить, что случилось, и, конечно, не знала, что я прижался к ней всем телом. Ключ повернулся в замке, и дверь стала открываться под моим весом. Маме не удалось сдержать напор. Я повалился вперед, не успев вытянуть руки, чтобы защитить яйцо. Перед глазами замелькали кадры: потолок комнаты, стиральная машина в углу, пол, лицо мамы, ее ноги, закрывающаяся дверь.

Я открыл глаза, когда лежал на спине в изножье родительской кровати, все еще прижимая ладони к животу.

Мама тревожно вглядывалась мне в лицо. Затем она обратила внимание на руки. Ее открытый глаз смотрел с пони-

манием. Рубцы и складки обожженной плоти на другой щеке не дрогнули. Они чуть шевельнулись лишь тогда, когда она искоса глянула куда-то вправо.

На папу. Сейчас он спросит меня, что я прячу. И увидит яйцо. И вложит мне в руку, сожмет своей и станет давить. И скорлупа лопнет, а меж пальцев потечет склизкая, вязкая жидкость. Нет, теперь это будут косточки и перья. Они упадут на пол и не оставят лужу, которую маме надо будет вытирать. Мертвое тело ударится о пол с глухим звуком. Я ждал его и уже, кажется, слышал. Я зажмурился, ожидая вопроса отца, но услышал голос мамы:

– Что случилось, сынок? Ты заболел?

Я открыл глаза, мама нагнулась и потянула меня за руку. Я сел и оглядел кровать. Папы на ней не было. Не было и у шкафа у стены справа. И у стиральной машины. Его вообще не было нигде в комнате. Я протянул маме яйцо.

– Нет, мама, не я, вот...

Она зажала мне рот ладонью, второй накрыла яйцо. Я попытался сказать слово, но вместо этого лишь закусил складку ее кожи. Грубой и какой-то странной. У нее был вкус, как у земли в горшке с моим кактусом. Мама толчком опустила мою руку, будто пряча яйцо.

– Если ты заболел, походи скажи бабушке. Она знает, что делать. Папа очень рассердится, если узнает, что ты заходил сюда, когда дверь была закрыта. – Не убирая руки от моих губ, мама вытолкала меня в коридор. – Ты ведь знаешь, я

должна буду ему рассказать.

Я не мог ответить, поэтому замахал рукой, указывая на яйцо. Мама взглянула на него лишь мельком и опять произнесла:

– Бабушка знает, что делать.

В коридоре, подальше от двери, она наконец убрала от моего рта свою руку.

– Мама, цы... – начал я, и она вернула руку на прежнее место.

– Ступай к бабушке, – медленно произнесла она и кивком указала на комнату. – Туда не ходи, в большой комнате будет твой отец.

Я наморщил нос. Мне больше хотелось побыть в общей комнате.

Мама захлопнула дверь перед моим лицом и дважды повернула ключ.

Я нажал на ручку подбородком и открыл дверь в комнату бабушки. Яйцо пульсировало в моих руках, как горячее сердце. Оно было похоже на гигантскую хризалиду бабочки сатурнии, глядя на которую видно, как бежит кровь внутри гусеницы.

В спальне горел свет. Бабушка сидела на краю кровати, прислонившись спиной к стене, и не сводила отсутствующего взгляда со спящего ребенка, с теней, которые отбрасывали на него реечки колыбели. На другой кровати спала моя

сестра, натянув простыню до самого лба. Рядом на тумбочке белела носатая маска.

– Свет включен, – сказал я бабушке.

Она повернулась, будто не слышала, как я вошел.

– Знаю. Оставь. Это для него. И не ори так.

Она указала рукой на младенца. До маски она, наверное, тоже могла бы дотянуться.

– Что стряслось? – прошептала бабушка. – Я слышала, как ты сломя голову носился по дому. Ты заходил в комнату родителей?

– Дверь случайно открылась, – объяснил я. – Но папы там не было.

Я сделал шаг к ее кровати. От бабушки всегда пахло ароматной пудрой. Когда она пользовалась ею, на лице и одежде часто оставались белые пятна.

– Скоро вылупится цыпленок, – сообщил я.

Морщинистая рука коснулась скорлупы. После пожара бабушка почти ничего не видела.

– Это твое яйцо. – Она понизила голос и продолжала: – Твоя мама рассказала мне о нем.

– Скоро вылупится цыпленок, – повторил я.

Бабушка нахмурилась. Одна ее бровь была узкой и редкой, на ней был шрам, и волосы в этом месте не росли. Их навсегда забрал огонь. Вместе со зрением.

– Цыпленок? Из неоплодотворенного яйца? – Верхняя губа ее приподнялась. – Ну-ка, что сказала тебе мама?

– Сказала всегда держать в тепле. Так рождаются цыплята. Папа одного убил, и мама дала другое яйцо. А теперь оно зашевелилось. Потрогай. Цыпленок точно скоро вылупится.

Лицо бабушки разгладилось, кажется, даже исчезли складки обожженной пламенем кожи.

– Да, все правильно, – сказала она. – Дай-ка его мне.

Бабушка натянула покрывало с кровати на колени. Я сел напротив, скрестил ноги, передал ей яйцо и положил подбродок на подставку из рук.

Бабушка приложила яйцо к уху, а палец прижала к губам, чтобы я сидел тихо.

– Да, слышу, – произнесла она через несколько секунд и вытянула руку с яйцом к самому моему лицу. Я отодвинул ее к уху.

– Слышишь?

Я ничего не слышал.

– Неужели не слышишь писк? – настаивала бабушка.

И я услышал. Писк. Очень слабый.

– Да! Слышу! – выкрикнул я, и бабушка зашикала. – Он скоро вылупится, – восторженно выдохнул я.

Бабушка кивнула и положила яйцо под подушку.

– А теперь закрой глаза, – велела она.

– Закрывать глаза?

– Цыплята никогда не вылупляются, когда на них смотрят. – Она накрыла ладонью мои глаза. Мы сидели несколько минут в полной тишине.

– Ну вот, – услышал я голос бабушки.

Она убрала руку, но отвернулась к подушке, закрывая обзор, поэтому я не видел, что она делает. Бабушка развернулась ко мне и вытянула сложенные пригоршней ладошки.

– Видишь?

Я удивленно смотрел на ее руки – в них ничего не было.

– Видишь? – настойчиво повторила бабушка.

Но я и правда ничего не видел. Сначала.

– Смотри. Он здесь.

И я увидел. Ярко-желтого цыпленка. Пушистого. Он так громко пищал, что мог разбудить ребенка.

Бабушка улыбнулась и положила цыпленка себе на плечо. Он принялся рыться клювом в ее седых волосах, будто искал там свою первую еду. Бабушка рассмеялась и повела плечом. Ей было щекотно.

– Видишь?

Я кивнул, замороженный происходящим настолько, что не мог говорить.

– Видишь? – повторила бабушка, ведь она не знала, что я кивнул.

– Конечно, – громко сказал я, чтобы она точно услышала. – Он такой, каким я его представлял. Желтый.

Бабушка одной рукой взяла цыпленка, его голова просунулась между пальцев и стала вертеться во все стороны. И запищал он еще громче.

– Сложи ладони, как я, – велела бабушка.

Я послушно вытянул руки. Цыпленок прыгнул, и его коготки впились в кожу, а пушок коснулся пальцев. Я поднес малыша к лицу.

– Я ждал тебя целых два ряда, – сказал я ему.

На стене в подвале, рядом с велосипедом, висел календарь. Ячейки были днями, а ряды неделями. Когда все ячейки в рядах были закрыты крестами, отец отрывал лист – значит, прошел месяц. Календари не менялись часто, но, если появлялся новый, я знал, что прошел год. И еще год я отсчитывал, когда для одного из нас готовили торт. Каждый в нашей семье часто смотрел на календарь. Мне же было важно отмечать, когда сменялись день и ночь, а для этого у меня был лоскуток света на полу.

– Я ведь спас тебя от смерти на сковороде, – добавил я, подумав.

Бабушка громко рассмеялась.

А потом раздался громкий голос отца.

Он выкрикивал мое имя.

Дверь бабушкиной спальни резко распахнулась, даже ручка ударилась о стену и оставила на ней вмятину.

Я боязливо спрятал руки за спину, защищая цыпленка, и медленно встал.

Из-под простыни сбоку появилась рука сестры и быстро положила маску на лицо.

Заплакал ребенок.

– Ты посмел зайти в мою комнату, когда дверь была за-

перта? – спросил отец.

– Это было важно.

Я взглянул на бабушку, надеясь на поддержку, но она молчала.

– Иди сюда, – велел отец.

Я опасливо посмотрел на него и не двинулся с места.

– Быстро!

Я сделал несколько шагов и встал перед ним.

– Что ты прячешь за спиной?

– Ничего.

Я почувствовал, как цыпленок клюнул меня в ладонь.

– Как это – ничего?

Я не успел ответить, отец схватил меня за плечо, пробежал пальцами вниз до локтя, затем сжал запястье и потянул, заставляя выставить руку вперед.

Я зажмурился, словно от этого мой питомец мог исчезнуть.

Отец разжал ладонь – ничего.

– Покажи другую руку, – приказал он. – Быстро.

Я медленно вытянул ее из-за спины. В ней тоже ничего не было. Ни единого следа цыпленка.

Кажется, папа даже удивился.

– Объясни, зачем ты явился в комнату? – Он приложил ладонь к моему лбу. – Твоя мать сказала, ты заболел.

Не представляя, что ответить, я поднял глаза и стал разглядывать шрам на лице отца. Ноздри расширились, когда

он тяжело задышал.

– Это правда? Ты болен?

Я решил, что будет лучше промолчать. К тому же сейчас я мог думать только о том, куда делся мой цыпленок.

– Ничего страшного, – наконец вмешалась бабушка. – Немного поднялась температура, совсем невысокая. Никаких лекарств не надо.

Отец опять потрогал мой лоб.

– Сейчас я объясню тебе, что значит закрытый на замок, – сказал он и сильными, как клещи, пальцами схватил меня за шею. Если бы он постарался, ему даже удалось бы сомкнуть их.

– Эй! – выкрикнула бабушка.

Папа повернулся к ней и немного ослабил хватку, поэтому я тоже смог повернуться.

– Этой лампе скоро конец, – спокойно произнесла она. – Пару дней назад она громко потрескивала.

Отец поднял голову и стал вглядываться в прозрачное стекло, а бабушка осторожно погладила подушку, куда раньше положила яйцо, и подмигнула мне.

Я все понял.

– Спасибо, бабуля, – прошептал я.

Она улыбнулась и сложила руки на коленях.

– Не знаю, когда получится ее заменить, – произнес отец.

– Может, еще и протянет немного, – кивнула бабушка.

Клещи опять сомкнулись на моей шее, но мне было уже

все равно. Мой цыпленок в безопасности, пока он будет жить с бабушкой. И привыкать к запаху пудры.

5

В ту ночь меня разбудил крик:

– Он задыхается!

Я сел в кровати и несколько секунд размышлял, слышал я это наяву или мне приснилось.

– Он задыхается!

Крик доносился из дальнего конца коридора. Пружины койки брата скрипнули над головой, когда он перенес вес своего тела и спрыгнул на пол. Брат приоткрыл дверь, и на полу появилась желтая трапедия света, самая широкая ее сторона протянулась точно от одного конца моей кровати до другого.

Я не мог ничего четко разглядеть, глаза болели, но все же уловил очертания силуэтов отца, мамы и присоединившегося к ним брата. Процессия двинулась влево, туда, где во весь голос кричала бабушка.

– Он задыхается! – слышалось вновь.

Мой цыпленок! Бабушка спрятала его под подушку, а потом сама на нее легла и придавила новорожденного птенца, теперь он не может дышать.

Я пробежал по желтой трапедии к двери. Пусть отец узнает мою тайну, сейчас это не важно.

Папа стоял в коридоре, уперев руки в бока, рядом с бабушкой, державшей племянника.

– Убирайся отсюда, – сказал отец.

Бабушка держала младенца как-то странно, лицом вниз, голова на ладони, а ножки на сгибе локтя. Она шлепала его по спинке. Значит, это ребенок задыхается.

– Дышит? – спросила мама.

Они поспешили в общую комнату, а я решил быстро осмотреть кровать бабушки. Надо ведь забрать цыпленка. Пусть лучше живет в гнезде из моей футболки, рядом с кактусом. Подняв подушку, я сразу увидел кусочки скорлупы. Рядом круглый желток. Я потрогал его – мокрый.

– Что за запах? – недовольно спросила сестра.

Она сидела в кровати и смотрела на стену. Голос глухо звучал из-за маски.

– Не знаю, – ответил я, потрогал еще раз клейкую массу, взял один кусочек скорлупы и опустил подушку.

– Ребенок в порядке? – Сестра говорила так быстро, что вопрос слился в одно слово.

– Сейчас посмотрю.

Я остановился в дверях, прямо под верхней рамкой, повернулся к сестре и спросил, не пойдет ли она тоже.

– Позже, – был ответ.

Я вошел в общую комнату и забрался с ногами на коричневый диван. Бабушка расположилась у второго окна, того, что было прорублено под потолком в одной из стен. Ребенка

она держала так же, как раньше. Вздохи его сопровождались бурлящими звуками, но они слышалось все реже.

Ритм дыхания сначала был нормальным, но интервалы между вдохом и выдохом становились все продолжительнее, а шаги мамы, кружащей вокруг стула, напротив, все более торопливыми. При этом она яростно грызла ноготь на большом пальце. Брат прикрыл рот ладонью, чтобы сдержать смех. Папа склонился над ребенком, закручивая пальцами веревку с ключом на шее. Она размоталась неожиданно быстро, ключ стал падать и ударил бы малыша, если бы бабушка вовремя не подставила руку.

– Не надо, – произнесла она.

Ребенок протяжно выдохнул, и бурление прекратилось. Маленькие ноздри раздулись, воздух стал поступать в легкие. Мама взяла паузу в своем безумном хороводе, но ее сменил брат, он стал ходить по комнате, высоко подбрасывая колени и размахивая руками. На пути к столу он стал громко насвистывать.

– Прекрати! – прикрикнула на него мама, и мелодия прервалась. Пол перестал трястись.

Брат открыл рот, из него вылетел протяжный звук, предвещавший громкий плач.

– Рыдай, сколько хочешь, – равнодушно сказала мама.

Брат вылетел в коридор, вскоре дверь хлопнула так сильно, что лампочки на потолке покачнулись. Тень от моей головы стала вытягиваться и почти коснулась тени от кресла. И

тут бабушка перевернула ребенка. Лицо его было бордовым. Бабушка согнулась и прислушалась.

Бульканье не закончилось.

– Он не дышит, – заключила бабушка и встала так резко, что стул покачнулся на двух ножках и оперся спинкой о стену.

Бабушка закусила губу, брови сошлись, мне стало ясно, что она изо всех сил старается не расплакаться. Она принялась ходить по комнате, укачивая младенца, и запела колыбельную, как делала всегда, когда его убаюкивала. Затем открыла рот малыша и просунула два пальца до самых костяшек.

– Я не знаю, что еще делать, – прошептала она, вытаскивая слюнявую руку. – Я не знаю, что еще делать!

Она перевернула ребенка, опять положила на грудь себе на ладонь, похлопала по спине и попке. Встряхнула. Тело младенца посинело.

– Я не знаю, что еще делать! – В глазах отразился свет покачивающейся лампы.

– Надо унести его отсюда, – сказала мама. – Все равно...

– Мы не успеем вовремя, – перебил ее отец.

Я посмотрел на дверной проем в дальней стене комнаты. На дверь, которая никогда не запиралась. К ней я впервые подошел много календарей тому назад, тогда моя семья прожила в подвале уже пять лет. Ручка двери выскользнула из слюнявой ладошки, и я вновь попытался ухватиться за нее.

Но не нашел причины, по которой должен был повернуть ее и открыть дверь. Я даже не стал пытаться. Здесь, в подвале моя мама. Моя бабуля, сестра и брат. И папа. Вечером я сидел у него на коленях, и мы ели морковный суп. Я болтал ногами в пижамных штанишках с носочками, как у колготок.

– Мы не успеем туда вовремя? – всхлипнула бабушка, потом взгляд ее стал грозным. Внезапно все слезы на ее лице высохли. – Давайте проверим.

Она положила ребенка на грудь, продолжая похлопывать по спине, обошла диван, но вместо двери, которая никогда не запиралась, направилась в коридор.

Я спрыгнул с дивана, нога зацепилась за подушку, потому что я очень спешил, довольный, что первым из всех заметил ошибку и нашел решение.

– Бабуля, дверь там! – выкрикнул я, бросился через всю комнату и схватил ее за локоть. – Пошли, выход там.

Бровь бабушки поползла вверх, почти на середину лба, потом она все поняла. Отец вышел вперед, разведя руки, словно мог остановить меня одним желанием это сделать.

Я схватился за дверную ручку.

И повернул.

Три раза.

Вернее, попытался.

Отец опустил руки и несколько минут смотрел прямо на меня, а потом сказал бабушке:

– И ты никуда не пойдешь.

– Я не позволю, чтобы ребенок задохнулся! – воскликнула она.

Не обращая внимания на протесты папы, она пошла в сторону спальни. Он опередил ее и уперся ногой в дверь.

– У тебя даже нет ключа от той двери! – заорал он. – И от той, что наверху.

Из горла ребенка вырвалось бульканье, а потом сильный кашель.

А потом он заплакал.

И задышал.

Отец замер. Услышав плач ребенка, бабушка тоже остановилась.

В коридор выбежала мама.

Я не оставлял попытки повернуть ручку. Папа мне солгал. Дверь всегда была заперта. Она была еще одной стеной.

Последней стеной.

В комнатах и коридоре началась возня и толчея. И в ванной тоже. Папа вернулся в комнату, когда я еще стоял, вцепившись в ручку. В глазах его я заметил удивление.

– Иди в свою комнату, – приказал он. – Ступай.

И выключил свет, оставив меня в крошечной темноте.

Я слышал, как запирали дверь в спальню.

Я отпустил ручку, теперь уже теплую. Предметы в комнате постепенно стали обретать очертания. Успешно миновав все препятствия, я вышел в коридор и решил проведать бабулю,

прежде чем отправиться к себе.

В ее комнате я подошел к кроватке с ребенком и прислушался к его дыханию. Оно показалось мне легким и здоровым, будто он совсем недавно и не задыхался. Потом я подошел к бабушке и потряс за то, что было, как я решил, плечом, прикрытым одеялом. Она вздрогнула и, как я определил, проснулась. Но ничего не сказала.

Я опять потряс ее за плечо.

Бабушка подняла руку и коснулась меня.

– А, это ты. – Она узнала меня. – Что стряслось? – Поворочавшись, она заговорила громче: – Опять что-то с ребенком?

– Нет. Он в порядке.

Бабушка облегченно выдохнула. До моего носа долетел запах пудры и чего-то горького.

– Где цыпленок? – прошептал я и стал ждать ответа. – Помнишь цыпленка? Где он?

– Так это ты двигал мою подушку? – спросила бабушка.

– Да. Когда ребенок...

– И что ты увидел?

– Цыпленка там не было.

– А что ты увидел?

– Скорлупку. Желток. Как в том яйце, которое разбил папа. А где же цыпленок?

– Он сбежал, – быстро ответила бабушка. – Когда вошел твой отец, я взяла его из твоих рук и спрятала под подушку.

– Ты уже говорила.

– Но когда отец отправил тебя в комнату, цыпленок сбежал. Пробежал вот тут по кровати, – она провела рукой поперек матраса, – а потом в кухню. Наверное, вылетел в окно.

– По ту сторону окна ничего нет. Только бетон.

– Для людей, но не для птиц. Цыпленок ведь очень маленький, он пролезет в любую щелку. Я уверена, он выбрался наружу.

Я стоял и обдумывал ее слова.

– А с ним все хорошо? – наконец спросил я. Представить сложно, как он выживет в ужасном мире пузырей.

– О да, не волнуйся. – Бабуля приложила ладонь к моему лицу, и щеке сразу стало тепло. – Я уверена, с ним все в порядке. Лучше быть на воле, чем в твоём... – Она замолчала.

– А если бы я захотел, мог бы пойти его проведать? – Мне вспомнилась дверь в кухне. И то, как я пытался повернуть ручку и ничего не добился. Если бы я попытался открыть нарисованную дверь, результат был бы тем же.

– Но тогда ты больше никогда не увидишь меня, – сказала бабушка. – И маму. И папу. И даже ребенка. Разве ты этого хочешь?

Я покачал головой.

– Ну? Этого ты хочешь? – повторила бабушка. Она ведь не видела меня.

– Нет.

– Конечно же нет. – Она притянула меня к себе за шею и

прижала лицом к мягкому месту между грудью и плечом. Я отправил поцелуй в воздух. – Возвращайся в свою комнату, – раздался шепот над самым ухом.

– Я оставил кусочек скорлупы на случай, если цыпленок вернется. Он будет знать, где его дом.

Грудь бабули поднялась и опустилась.

– Ты такой славный мальчик.

Я кивнул, сильнее упираясь в ложбинку, и вдохнул запах ароматной пудры.

– А теперь иди в кровать. Поспи еще немного.

Той ночью бабушка невольно передала мне огромную силу.

В коридоре, по дороге в свою комнату, я почувствовал дуновение из окна. Прижавшись лицом к решетке, я закрыл глаза и стал глубоко дышать, радуясь окутавшим меня новым запахам сверху. Они не были похожи ни на один, который ощущался в подвале. Жалко было, что доносились они из такого далека, куда мне никогда не попасть. Даже если очень захочу. Дверь в кухне оказалась запертой. Ветер ударил мне в лицо. Потом я ощутил дыхание еще одного живого существа. Прямо у меня перед глазами порхал светлячок. Он опустился на выступ между окном и стеной за ним, он был как раз на уровне моей шеи.

Приземлившись, жучок сложил маленькие крылышки, с помощью которых опустил свое членистое тельце, и спрятал

под панцирем. На самом деле у жесткокрылых это не панцирь, а еще пара крыльев, более прочных, с помощью которых они и летают.

Светлячок засеменил по бетонной поверхности в сторону решетки, прямо ко мне.

И он засветился.

Пару секунд тельце жука было волшебного зеленого цвета, исходившего от низа живота. В точности как на картинке в моей книжке про насекомых, которую я хранил под матрасом в изножье кровати. Впервые перелистывая страницы, я был очарован длинными лапками богомола, способностью маскироваться палочника, удивительной и разнообразной расцветкой бабочек. Но больше всего меня впечатлили жуки-светляки. Они были похожи на лампочки, свисавшие с потолка у нас в подвале. Только живые.

Светлячок опять вспыхнул и стал похож на того, из книги, нарисованного сидящим на травинке. Я просунул палец и положил прямо перед ним, закрывая проход по бетонному подоконнику. Светлячок забрался на него, развернув надкрылья, чтобы удержать равновесие. Я смотрел на него во все глаза, боясь моргнуть и пропустить быстрое движение. Когда он опять засветился, пришлось несколько раз моргнуть, такими сухими неожиданно стали глаза.

В комнату я вернулся, осторожно неся перед собой палец со светляком на самом кончике.

Наверху храпел брат. Я тихонько открыл ящик и сначала

положил в гнездо из майки драгоценную скорлупку, добытую под подушкой бабули.

– Вдруг ты захочешь вернуться, – сказал я цыпленку, которого не было.

Потом взял баночку из-под карандашей, которые положил на дно ящика, а внутрь поместил светляка. Он пополз, пытаясь отыскать, на что можно забраться в его новом жилище, карабкался вверх и сползал по гладкой стеклянной стенке. Я положил внутрь один карандаш, чтобы насекомому было чем заняться. Он поблагодарил меня, вспыхнув зеленым светом.

С той поры я был уверен, что в мире нет существа удивительнее того, кто может светиться самостоятельно.

6

Почти голый, лишь обернув полотенце вокруг талии, я вошел в ванную. Комната была большая, с плиткой на полу. На стенах тоже была плитка, но только наполовину, выше просто бетон.

Я сразу увидел сестру, сидящую на краю ванны свесив ноги внутрь. Вода лилась из крана и заполняла емкость. В подвале она никогда не была достаточно горячей, чтобы шел пар.

Сестра расстегнула бюстгальтер, и он упал в кучку одежды на полу. Встав, она стянула трусики, переступив ногами.

Они стали мокрыми, впитав воду с икр. Я смотрел на синяки, появившиеся в тот день, когда она родила ребенка, от ударов о стол.

Даже от двери было видно, как быстро поднимается уровень воды в ванне. Она доходила уже почти до колен сестры. В воздухе запахло мылом.

Сестра повернула кран и выключила воду.

Одна рука потянулась к маске, вторая – к черным резинкам, скрещенным на ее затылке.

– Здесь я.

Сестра развернула плечо.

– Уже покатался на велосипеде?

– Да.

Мы все были обязаны заниматься на велосипеде три раза в неделю. Отец специально пристроил его в общей комнате под календарем. Велосипед был синий с белым и никогда не двигался с места, сколько ни крути педали. Когда наставал мой черед, я просил маму включать фильм и представлял, что катаюсь по местам, изображенным на экране.

Сестра подняла голову, так и не сняв маску. Между прядями черных волос появился кусок уха.

– И долго ты выдержал?

– Недавно приехал, – солгал я. – Сейчас очередь мамы.

– Хотел принять ванну?

– Ты против?

Сестра вздохнула, плечи ее поникли. Она поправила ре-

зинки маски, чтобы она плотнее прилегала к голове, затем оттолкнулась руками от края ванны и стала погружаться в воду. Резко выдохнула, когда уровень достиг груди. Вытянувшись, она запрокинула голову, чтобы намочить волосы, потом села и прислонилась затылком к стене.

– Давай же залезай, – сказала она.

Я плотнее закрыл дверь, бросил полотенце на раковину и забрался в ванну, устроился напротив сестры. Сначала я вытянул ноги, а потом согнул в коленях, как и сестра, чтобы не касаться ее ступнями.

– А ты хитрая, – усмехнулся я, поерзав. – Оставила мне место с пробкой.

Сестра засмеялась под маской. Услышать ее смех доводилось нечасто. Она протянула мне шампунь. Я намылил голову и отдал его обратно.

– Что будешь делать? – спросил я.

– То же, что и ты. Мыть голову. И лицо.

– Ладно, – сказал я и крепко зажмурился. – Я готов.

Сестра зацокала, потом я услышал, как щелкнули резинки на ее маске, пузырек выплюнул шампунь ей на ладонь, и она принялась наносить его на волосы и плескать воду на лицо.

– Все? – спросил я через некоторое время. Ответа не было. – Ты закончила?

Через несколько секунд я услышал голос сестры:

– Ты действительно боишься взглянуть?

Я прижал обе ладони к глазам. Пузырьки на поверхности

воды липли к моему телу и лопались.

Я затряс головой.

– Ладно тебе, – фыркнула сестра. – Вспомни лица мамы и папы. Мое не намного хуже.

– У тебя же нет носа. Вместо него дырка, я не хочу на нее смотреть.

Сестра сжала мою руку.

– Посмотри на меня. Я знаю, ты хочешь. – Она сжала и второе запястье. В ванне поднялись волны, пробка царапала мне попу. Нога соскользнула, и большой палец уперся в покрытый волосами бугорок у сестры между ног.

Сестра потянула мои руки в разные стороны.

– Посмотри на меня, посмотри, – твердила она.

Ей удалось убрать руки от моего лица, но я плотно сжал веки. Настолько, что увидел кружащие разноцветные точки. Я заныл и попытался встать, но сестра схватила меня за колени и заставила сесть. Пробка больно впиалась в ягодицу.

Сестра старалась открыть мои глаза. Я старательно жмурился из последних сил. Было больно. Пальцы ее оказались цепкими и сильными.

– Посмотри на меня, посмотри, посмотри...

На одном глазу образовалась щель, пропустившая полосу света. Я смог разобрать какие-то цвета и формы, но в этот момент дверь ванной отворилась.

– Что... что ты делаешь? – закричала мама.

Сестра отпрянула. Громко хлопнула дверь. Мне на глаза

легла мамина ладонь. Я невольно заморгал, чтобы дать отдых глазам.

– Тебе повезло, что сюда зашел не отец, – сквозь зубы процедила мама. – Вылезай. Немедленно.

Ноги сестры отодвинулись, опять появились волны, я чувствовал колебания воды на уровне груди. Она встала, и я услышал, как падали капли с ее тела. Что-то твердое уткнулось мне в грудь, от ужаса по спине пробежали мурашки. Это был нос моей сестры. Ее пластиковый нос. Маска перевернулась на воде, и нос задрался к потолку.

– И это возьми, – велела мама, ткнув туда, где плавала маска. – Никто из нас не желает видеть твое лицо.

Я слышал, как натянулись на голове сестры резинки, мокрые, они издавали другой звук.

– Как хотите, – пожала плечами сестра и вышла.

Мама осталась со мной, пока я не решился вылезти из воды. Потом она встала на колени, завернула меня в полотенце, обняла и поцеловала в шею.

– А какое у нее лицо?

Мама вытерла мне глаза уголком ткани. Они еще пульсировали от усилий, когда я жмурился.

– Зачем тебе это знать?

Я молчал.

– Ты ведь не хочешь, – сказала мама. – Тебе и не нужно. Твоя сестра всегда носила маску дома. Так решил отец.

– А она носила ее, когда жила наверху?

– Ты ведь знаешь, что нет. Она надела ее после того, что случилось. После пожара.

Я видел, как затуманились мамины глаза. Нос присвистнул. Один глаз закрылся прежде, чем второй, но вскоре его опять стало видно.

– Но ведь огонь не добрался до меня.

– Конечно нет. – Мама потрепала меня по голове. – Ты ведь был у меня в животе. Ты стал нам подарком.

– А как это – жить наверху?

– С чего так много вопросов? – Мама отстранилась и оглядела меня. – У нас есть все, что и у остальных. Дом, семья. У людей, живущих наверху, нет чего-то большего.

Я вспомнил о ветре, иногда залетавшем в окно.

– Почему папа солгал мне о двери в кухне?

Мама выпустила из рук полотенце и внимательно посмотрела на меня.

– Маленьким мальчикам родители часто рассказывают сказки. Ты ведь не думаешь, что Человек-сверчок на самом деле существует, правда?

– Тсс, он тебя услышит. А я не хочу, чтобы он меня нашел.

Мама опять вытерла мне глаза.

– Надо же... Как хорошо ты помнишь тот день? Ты ведь был вот такой крошечный. – Она развела немного большой и указательный пальцы. – Вот такой.

Я пожал плечами и выпятил нижнюю губу. Мама улыбнулась. Это всегда ее забавляло.

– Это потому, что ты очень умный мальчик, – произнесла она, отвечая сама себе. Мама погладила мое лицо грубой рукой. – И ты знаешь, что никуда не уйдешь, даже если дверь будет открыта. Куда ты пойдешь? – Она обняла меня поверх полотенца, потом оглядела пронзительным взглядом и улыбнулась.

– Никуда, – ответил я.

В одних трусах я отправился в кухню, где на плите булькал морковный суп. Мне удалось услышать, о чем говорила собравшаяся там моя семья.

– У нас все заканчивается, – сказала мама, задев кастрюлю чем-то металлическим.

– Он должен был прийти еще вчера, – отозвалась бабушка.

И тут вошел я. И увидел маму, стоящую на цыпочках у шкафа. Она пыталась достать что-то с верхней полки. Помимо плиты с двумя конфорками, раковины, духовки и холодильника здесь было множество шкафов, тумб, ящиков и полок.

– Там ничего нет, – сказала мама, пошарив рукой, будто искала то, что не видно снизу. – Все, что у нас осталось, – на столе.

Опустив пятки на пол, она развернулась и увидела меня.

– Пора ужинать. Садимся за стол.

Мама подошла к столу первой, положила руку бабушке на плечо и губами указала на отца. Они все сидели в конусе света, который нарисовала на столе висящая над ним лампочка.

Я увидел, что волосы под резинками маски на голове сестры еще мокрые.

Мама и бабушка принялись раскладывать по местам пакеты с рисом, банки с консервированным тунцом, яйца и мешки картофеля. Сейчас они лежали в шкафах, как и всегда. Правда, теперь свободного места стало гораздо больше.

– Кстати, раз ты пришел, – повернулся ко мне отец. – Почему ты постоянно торчишь у того окна? Мечтаешь уйти отсюда?

– Я был не у окна.

– И никуда уходить он не хочет, – вмешалась мама.

– Он много чего прячет в ящике, – выпалил брат.

– Вот как? И что ты там прячешь? – заинтересовался отец.

Брат открыл рот, чтобы выложить все, что знает, но тут на столе появилась кастрюля с дымящимся супом.

– Давайте поедим, – сказала мама.

Половником она принялась разливать суп по тарелкам, расставленным бабушкой. Она наполнила и седьмую тарелку. Ту, из которой никто никогда не ел. Содержимое всегда выбрасывали в мусорное ведро или выливали в раковину.

7

А тем вечером прилетел еще один светлячок.

Лежа в постели, я слушал обрывки фраз, долетавших до меня из общей комнаты, где вся семья смотрела фильм по

телевизору. Папа включал его так часто, что я помнил наизусть каждое слово, паузу и даже выстрел.

Я шепотом произносил их в темноте.

В подвале был телевизор, но не было антенны и сигнала. На большой книжной полке стояло много кассет, которые мы смотрели на видеоманитофоне с надписью «Бетамакс» на боку. Папе нравились фильмы про ковбоев.

Подражая скачущему на лошади храбрецу, я вытаскивал из-под одеяла воображаемый пистолет, составляя его из пальцев, и стрелял. И тогда заплакал ребенок. Будто мои пули долетели до его кровати.

Послышались мамины шаги по коридору, за ней бабушкины. После того как он едва не задохнулся, они в страхе бежали к нему, боясь опять увидеть синим.

Я осторожно приоткрыл дверь, интересно было узнать, что происходит. Экран телевизора отбрасывал блики на стену в коридоре. Папа сидел в полосатом кресле, а брат на коричневом диване и смеялся совсем не к месту, когда следовало бы нахмуриться, он не вполне понимал, что происходит. Сестра устроилась на полу и использовала диван как спинку, ноги были скрещены, руки сложены на животе. Взгляд ее был таким, будто она смотрит не в телевизор, а на аквариум.

– Заткните этого ребенка! – заорал отец. Его крик был громче выстрелов в кино и даже плача моего племянника.

Я прошел по коридору к его комнате и наступил на что-то острое. Это оказался маленький гвоздик из ящика с ин-

струментами отца. Я испугался, что он впился в ногу, но он отскочил и покатился по полу.

Войдя в комнату, я сразу почувствовал запах пудры. Мама стояла у кровати и укачивала на руках ребенка. Увидев меня, она приложила палец к губам, чтобы я молчал. Когда лицо ее освещала вспышка света от экрана, если, например, показывали солнечный день в горах, я мог отчетливо различить черты. Однако, если экран был темным, когда показывали измазанное грязью лицо ковбоя, лицо превращалось в серое пятно.

Я обхватил руками маму за талию под растянутой футболкой, теперь ребенок был совсем рядом.

– Тише, успокойся, – прошептал я.

Мама вздохнула. Стоящая за спиной бабушка обняла меня, оставив лежать руку на моей голой груди.

И вот тогда я увидел.

Кружащийся зеленый огонек в коридоре. Несколько вспышек пунктиром провели линию от потолка до пола. Я оттолкнул бабушкину руку и готов был броситься ловить светлячка.

– Ну-ка, подожди, – сказала мама, и я решил, что она говорит со мной и тоже видела зеленый огонек. В спальне вспыхнул свет, и светлячка не стало видно.

Я зажмурился от резкой боли в глазах.

Ребенок перестал плакать.

Мама выключила свет, и он опять захныкал. Вспыхнул

свет, и ребенок умолк.

– Так было и с ним. – Мама указала на меня пальцем. – В темноте он всегда плакал.

– Так было со мной? – удивился я.

Мама передала ребенка бабушке и усадила меня на кровать рядом с собой.

– Когда ты был таким же маленьким, боялся темноты, – объяснила она. – В первую ночь ты не унимался, пока кто-то не включил свет.

– Но я больше не боюсь.

Мама улыбнулась, и глаз ее закрылся.

– Конечно нет.

– А как я перестал бояться?

– Все страхи проходят. – Мама встала, подошла к двери и подняла руку к выключателю. – Когда осмелишься посмотреть им в лицо. – Она выключила свет. Младенец громко заорал.

Бабуля принялась его укачивать и утешать, а я стоял и ждал, когда глаза привыкнут к темноте. Когда я смог видеть и выглянул в коридор, светляк уже исчез.

– И ты позволишь ему плакать? – спросил я.

Племянник орал во всю мощь легких, изо всех сил напрыгая горло. Два темных силуэта приблизились к кровати. Один из них согнулся пополам, это была бабушка, она положила ребенка в кровать.

– Мы больше ничего не можем сделать, – ответила она

мне.

– В темноте нет ничего плохого, – поддержала мама.

Малыш кричал еще громче, хотя это казалось невозможным.

– Заткните же его! – выкрикнул из общей комнаты отец.

Мама с бабушкой стали энергичнее раскачивать кроватку.

Я подошел и встал рядом.

– Ты не бойся, – прошептал я. – Темно – это не так уж плохо.

Мама вздохнула, услышав, что я повторил сказанное ею.

Однако ребенок плакал, несмотря ни на что.

Ножки кресла отца царапнули пол в комнате, и он появился в дверном проеме в пляшущем свете экрана. В фильме кто-то играл на губной гармошке.

– Что стряслось с этим ребенком?

– Его беспокоит темнота, – ответила мама.

Папа нажал на выключатель. Я успел вовремя закрыть глаза.

– А он что здесь делает? – Я знал, что отец говорит обо мне. – Тебе что здесь понадобилось?

– Я не мог заснуть. Решил посмотреть, что случилось.

Папа еще несколько раз щелкнул выключателем, убеждаясь, что ребенок успокаивается, когда в комнате светло.

– Так не выключайте свет, – бросил он.

– Мы должны, – заявила мама. – Не может же свет гореть всю ночь.

– А как будет спать твоя дочь? – поддержала бабушка. – Это ведь и ее комната.

– И ребенок должен привыкать спать в темноте, – продолжала приводить доводы мама.

Папа вдохнул и нажал на выключатель.

В помещении вновь стало темно.

Малыш заплакал.

– Ты, отправляйся спать, – приказал отец. – Тебе известно, что Человек-сверчок делает с мальчиками, которые плохо себя ведут.

Прежде чем убрать руки с рейки кровати, я прошептал:

– Ты не волнуйся, у меня есть идея.

Отец пропустил меня вперед, проводил взглядом и вернулся в свое кресло. Скрипнули ножки, и звук телевизора стал громче.

Я шел по коридору медленно, оглядываясь в поисках нового гостя-светлячка. И опять наступил на гвоздик. Рядом с ногой вспыхнул зеленый огонек.

Он охотно подлетел к банке, словно был рад навестить родственника в тюрьме для насекомых. Огоньки замигали с обеих сторон стеклянной перегородки, как будто они так переговаривались. Я открыл крышку, и оба жука замигали зеленым светом.

Слушая, как надрывно плачет мой племянник, я улыбнулся.

– Подожди немного, – прошептал я и забрался в постель,

с трудом сохраняя терпение.

Как попугай, я принялся шепотом повторять реплики из фильма, который мой отец не уставал пересматривать, брат никогда не понимал до конца, а сестра, наверное, ненавидела. Наконец закончилась старая песня, это была самая грустная мелодия из всех, что я слышал. Женский голос наполнил подвал мраком, страшнее крошечной тьмы.

В нашу спальню вошел брат и забрался наверх, на свое место. Пружины несколько раз скрипнули, прежде чем он устроился. Затем они ритмично прогибались несколько минут, сначала медленно, потом быстрее и еще быстрее, потом брат застонал, и все стихло. Правда, через несколько минут брат громко захрапел.

Я решил подождать еще немного, чтобы все точно успели заснуть.

Вскоре тишину нарушали лишь звуки капающей из бачка воды и плач ребенка, и я выбрался из постели, прихватив банку со светлячками.

В комнате сестры я первым делом услышал ровное дыхание бабушки и медленно подошел к детской кроватке.

– Посветите ему, пожалуйста, – прошептал я светлячкам. – Он еще боится темноты.

Банку я поставил рядом с головой ребенка и накрыл ее простыней. Под тонкой тканью вспыхнули два огонька, подсвечивая лицо малыша.

Когда я был в дверях, он уже не плакал.

Следующим утром я резко сел в постели, вспомнив о банке со светлячками.

Подвал уже наполнился множеством звуков. Тостер несколько раз выстреливал в кухне, стулья вокруг стола всю царапали пол, в ванной бачок унитаза наполнялся водой.

Я вошел в комнату бабушки в одних трусах, тех же, что и прошлым вечером. Первым делом я заглянул в кроватку ребенка, но она была пуста. Ни племянника, ни моей банки. Я поднял простыню и еще раз исследовал кровать. Ничего.

Из кухни меня позвала по имени мама, и еще манил аромат поджаренного хлеба. Сначала, однако, я зашел в ванную, чтобы умыться и пригладить водой волосы. Они всегда были растрепанными после сна.

– Входи, садись, – сказала, увидев меня, мама и открыла холодильник, чтобы достать масло. – Мы уже завтракаем. Видишь, что бывает, когда поздно ложишься. Потом тяжело вставать.

Брат сидел за столом, держа в обеих руках приборы, и ждал, когда мама подаст еду. Он ножом указал на соседний стул и скорчил рожу, оттопырив изуродованную губу так, что стала видна десна. Я забрался на стул и посмотрел на бабушку напротив. Она улыбалась, глядя в пустоту, и пила кофе, иногда опуская кончик пальца в чашку, чтобы определить,

сколько там осталось. Рядом с ней сестра кормила грудью сына. Папа смотрел на нее, не отводя взгляд.

– В конце концов, он вчера уснул, – произнес он.

Белая маска сестры повернулась к нему. Уловив, что взгляд его направлен туда, где губы младенца сомкнулись вокруг соска, она быстро прикрыла грудь ладонью. Отец нахмурился.

– Вот видишь, – повернулась к нему мама, наблюдавшая за тостером. – Ему надо было просто привыкнуть к темноте.

Сестра покосилась на меня, не пошевелив головой.

– Или нет, – сказала она.

И улыбнулась, как мне показалось. Я подумал о светляках в банке.

– Что ты хочешь сказать? – спросил отец.

– Ничего, – легко ответила сестра.

– Нет, скажи мне, что ты имеешь в виду?

Бабушка перестала улыбаться неизвестно чему.

Брат гортанно загоготал своим ослиным смехом.

– Ничего я не имею в виду, – продолжала отнекиваться сестра из-под маски.

– Что ты имела в виду? – настаивал отец.

Выпустив грудь, ребенок заплакал. Сестра взяла сосок двумя пальцами и засунула ему в рот.

– Я хотела сказать, что дети не могут быстро привыкнуть к темноте. – Едва уловимым движением головы она указала на сына и на меня одновременно. – Мальчикам нужен сол-

нечный свет.

– Мы все принимаем витамин D, – вмешалась из кухни мама.

– Но им нужен свежий воздух, – продолжала сестра. – Они должны жить. Им необходимо...

Она перевела дыхание, словно собиралась сказать нечто чрезвычайно важное, но не решилась и замолчала.

– Что им необходимо? – набросился на нее отец. – Говори. Что им нужно?

Сестра уставилась на папу.

– Я уже сказала все, что хотела.

– Так ли? Кажется, ты не закончила фразу. Продолжай, смелее, говори, что нужно мальчикам.

Сестра опять помогла сыну ухватить сосок.

– Давай же, – напирал отец. – Им нужен свежий воздух. Солнце.

Я видел, как губы сестры плотно сжались под маской.

– Говори! – заорал отец.

Сестра расправила плечи и выпрямилась. Ребенок опять заплакал, когда сосок выскользнул из его губ, на этот раз сестра запахнула блузу и застегнула пуговицы.

– Больше всего остального ребенку нужен отец, – отчеканила она и осторожно положила малыша на стол. Прямо напротив папы.

От сильного удара кулаком по дереву подпрыгнули все тарелки и приборы. Ребенок задергал ручками и ножками. На

крик поспешила бабушка. Мама обхватила свою чашку обеими руками, будто та могла упасть. Отец три раза сжал и выбросил в стороны пальцы. Первые два раза суставы хрустнули. Он шумно выдохнул и покачал головой, а потом еще раз ударил по столу и вышел, не сказал ни слова, лишь мельком глянув на сестру. Я слышал, как открылась и захлопнулась железная дверь спальни.

Мама принялась раскладывать тосты, положив каждому, кроме моей сестры.

– А мне? – спросила та.

– Последний кусок там, в пакете, – ответила мама. – Тостер в шкафу.

Я сидел на полу, скрестив ноги, и подталкивал кактус, чтобы он всегда был в луче солнца.

– Вот тебе витамин D.

Я сложил ладони в пригоршню и тоже долго держал под светом, вдруг мне тоже не хватает витамина, который давала мне каждый день мама. Потом я перевернул руки, прижал ладонями к полу и лег. Теперь глаза мои были почти на уровне пола, и я принялся разглядывать главную комнату нашего дома. Заглянул под стол, под шкафы и холодильник в кухне. Мама что-то стирала в раковине. В подвале была стиральная машина, но она предпочитала стирать руками, говорила, что это полезная нагрузка. Потом мама развешивала белье и одежду в своей спальне, у машинки, которой нико-

гда не пользовалась. Удалось мне посмотреть, что под велосипедом, под диваном и даже папиным креслом. А еще под тумбой, на которой стоял телевизор, и полками с книгами и кассетами. Моей банки со светлячками нигде не было.

Сначала исчез цыпленок.

Теперь и светлячки.

– Хорошо хоть, ты не сбежишь, – сказал я кактусу и вздохнул. В нос ударил запах нашатыря, которым стирала мама. Это был один из моих самых любимых запахов в подвале.

В общей комнате появился папа, впервые за все время с того инцидента за завтраком. Он даже пропустил обед. Он сразу направился к маме.

– Он так и не появился, – сказал он ей. – А у нас закончились яйца. Конечно, мы знали, что однажды это случится, но не так...

– Здесь мальчик, – перебила его мама. – Вон там, на полу. С кактусом.

Папа резко повернулся.

– Ты как привидение, – сказал он. – Всегда такой тихий.

Я встал на колени.

– Оставь его, – прошептала мама.

– Давай иди к себе, мне надо поговорить с твоей мамой.

Я вытянул руку с горшочком кактуса.

– И что? – спросил отец, мельком глянув на него. – Это растение уже получило больше света, чем ему нужно.

Я покорно вышел из комнаты. Родители подождали, пока

я отойду достаточно далеко, и продолжили разговор. Когда я открывал дверь комнаты, кто-то схватил меня за руку. Это оказалась сестра. Она встала у меня за спиной и положила подбородок на мое плечо.

– Пойдем, – прошептала она.

Мы вошли в ее спальню. Ребенок спокойно спал в колыбельке. Бабушка стояла на коленях у своей кровати, положив руки на матрас. Пальцы ловко перебирали четки. Закрыв глаза, она шептала молитву, я услышал лишь неразборчивое бормотание. Сестра приложила палец к щели на маске, где был ее рот, и потянула меня к своей кровати. Простыня в одном месте топорщилась. Сестра откинула ее и показала мне то, что под ней скрывалось.

Это была моя баночка со светлячками.

Я вздохнул от неожиданности, открыл рот, но сестра опять остановила меня жестом. Бабушка открыла глаза, продолжая повторять имя Того, Кто Выше Всех. Мы с сестрой замерли.

Шарики четок, подталкиваемые пальцами бабушки, билась друг о друга. Под гулко разносившиеся звуки молитвы мы с сестрой на цыпочках прошли к двери. Когда мы уже переступили порог, из комнаты послышалось:

– И не забудьте закрыть за собой дверь.

Мы так и сделали. В коридоре я повернулся в сторону кухни. Родители все еще разговаривали, стоя у раковины. Сестра шлепнула меня по попе и указала пальцем на дверь ван-

ной.

Мы вошли, и она присела, толкнула спиной дверь и поставила баночку на колено.

– Что это? – спросила она.

Я заглянул внутрь сквозь стекло.

– Что это такое? – повторила сестра. – И что эта склянка делала в кровати моего ребенка?

Я наклонился, поставил кактус на пол и попытался взять из ее рук баночку. Сестра отвела руку в сторону, встала и подняла ее над головой, чтобы я не мог дотянуться.

– Зачем ты положил ее около ребенка?

Я молчал.

– Мне позвать отца и рассказать все ему? Тогда тебе придется ему объяснять, что ты натворил.

Она поднесла лицо к двери и покосилась на меня. Дав мне пару секунд на раздумье, она выкрикнула:

– Па!..

Я зажал ей рот обеими ладонями, вернее, дырку, прорезанную в белой маске.

Сестра вытянула язык, и я ощутил его мокрый кончик у себя между пальцами. Я сразу отдернул руку.

– Что это? – произнесла сестра. – Говори. Тогда это останется нашим секретом. Ты ведь понимаешь, что это опасно для новорожденного. – Она потрясла банкой. Карандаш несколько раз ударился о стенки.

– Осторожно, – предупредил я. – Ты их погубишь. Сестра

уоставилась на банку.

– Я спрашиваю, понимаешь ли ты, что рядом с маленьким ребенком не должно быть таких предметов?

Я потупил взгляд, мне стало стыдно. Об этом я совсем не подумал.

– Подними голову и посмотри на меня. Ты подверг опасности новорожденного ребенка.

Губы мои невольно изогнулись.

– И не реви. Пока никто об этом не узнал. А если будешь вести себя хорошо, и не узнает. Я же обещала, что сохраню все в тайне.

– Я больше не буду, – заныл я.

Сестра захохотала, протянула банку и прижала к моей груди. Она отпустила руку так неожиданно, что я едва успел подхватить банку, прежде чем она разобьется об пол. Сестра дернула дверь и удалилась. Один из светлячков подмигнул мне зеленым светом. Второй тотчас ответил. Тыльная сторона одной руки горела, и я решил, что слишком долго держал ее на солнце. Я заметил красное пятнышко на белой коже. Такой белой, что я подумал: отец прав.

Может, я действительно привидение?

Когда настало время ужина, я забрался на свой стул и удивленно спросил:

– И это все, что у нас есть?

Поковыряв мятый картофель вилкой, я раскидал кучку

гороха. Две штуки упали на пол. Я втянул голову в плечи, ожидая, что отец велит мне выйти из-за стола.

– Ешь, – только и сказал он.

Спорить я не стал.

– И это съешь тоже. – Папа указал ножом на картофельные очистки, которые лежали на краю его тарелки.

– Мы никогда раньше не ели картошку вот так.

Мамин нос присвистнул.

– Так намного вкуснее, – ласково сказала она.

Она подхватила пальцами шкурку картофеля и положила в рот. Она жевала и улыбалась, отчего ее щека подрагивала. Сидящий справа брат запихивал в рот желтоватую массу. Некоторые кусочки проскакивали в щель в нижней губе и возвращались на тарелку. Он напоминал мне муху. Взяв кусок в рот, муха выплевывает его вместе со слюной, а через некоторое время всасывает слюну с почти переваренной пищей.

Я съел все, что было на тарелке, но не был сыт.

– Больше ничего нет? – спросил я, глядя, как отец кладет приборы рядом с тарелкой.

Краем глаза я заметил, как рука бабушки коснулась лба, потом живота и каждого плеча.

– Конечно, есть, – ответила мама и потянулась за седьмой тарелкой, всегда стоявшей между сестрой и бабулей.

Услышав, что делает мама, бабушка схватила ее за руку.

– Не сейчас, – сказала она.

Мама посмотрела на меня и закусила нижнюю губу.

– Прошу тебя, не сейчас.

Мама вернула тарелку на прежнее место и вздохнула. Папа протянул мне свою через весь стол.

– Это ничего не решит, – сказала мама.

– Мальчик будет сыт, – отрезал отец.

– Только сегодня. А что мы будем делать завтра?

– А что будет завтра? – спросил я, жуя шкурку картофеля.

– Ничего, – прошептала мама и улыбнулась мне. – Что будет завтра? – обратилась она к папе.

– Не знаю, – ответил тот. – Правда, не знаю.

В тот вечер папа разрешил мне остаться смотреть фильм с ними. Я сидел рядом и играл двумя горошинами, упавшими за ужином с моей тарелки.

9

Вернувшись в свою комнату после фильма, я опустился на колени перед тумбочкой. Открыл ящик и увидел у банки еще двух светлячков. Когда я открыл крышку, чтобы впустить их внутрь, в спальню вошел брат. Он забрался к себе наверх, отчего пружины заходили ходуном. Крышка упала на пол. Когда я поднял ее и закрыл, в банке было только три жука.

Один исчез.

Я слышал, как с шумом закрылась дверь спальни родителей. Сестра прошлепала из ванной к себе. Брат выключил

свет. В наступившей тишине было слышно, как капает вода в бачке.

Я лежал не шевелясь и смотрел в темноту.

По комнате пролетел огонек и дважды просигналил, опустившись на дверную раму. Я медленно пополз к светлячку, остававшемуся на месте.

– Иди сюда, – прошептал я и вытянул руку. Зеленое пятнышко сползло вниз по двери. Я приоткрыл ее, оставив небольшую щель. Светлячок выпорхнул в коридор. Я на цыпочках пошел следом. Из окна дул ветер и охлаждал ноги. Скорее всего, два новых обитателя подвала прилетели отсюда. Я двинулся вперед, ведомый полосой света. В гостиной горели сигнальные лампочки на телевизоре и видеомагнитофоне, как два светлячка внутри умершей техники.

Порхающий жук трижды подмигнул и приземлился на кресло отца. Я прыгнул вперед, сложив ладони перевернутой чашей. Сначала мне показалось, что я упустил его, но тут меж пальцев вспыхнул зеленый свет. Я сжал правую ладонь, чтобы насекомое уже не смогло вырваться. Его крылышки щекотали ладонь.

А потом я услышал грохот.

Сердце ударило так громко, что биение отдалось в ушах.

Опять грохот.

Я весь покрылся потом, потому что понял, что это означает.

– Пожалуйста, только не за мной. Не за мной, пожалуйста.

ста, – шептал я в темноту.

Впервые услышав ночью эти звуки, я долго рыдал в подушку, тело оцепенело от страха, и я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Когда я рассказал об этом маме за завтраком, она сказала, что мне это приснилось, ни наверху, ни в шкафу, ни под моей кроватью не живет чудовище. Но папа открыл мне правду.

– Ты слышал шаги Человека-сверчка, – объяснил он. – Это огромный старик с выпученными черными глазами и вывернутыми в обратную сторону коленями. – Он пытался изобразить его и принялся ходить вокруг стола, скорчив страшную гримасу. – И еще у него усики-антенны на голове, когда он входит в дом, они упираются в потолок.

– А зачем он входит в дома? – в ужасе спросил я.

Папа развернул стул и сел, широко разведя колени.

– Потому что он охотится на детей с помощью своих антенн. – Он прижал обе руки ко лбу и помахал ими. – Он носит в руках масляную лампу, чтобы лучше видеть, ловит детей, которые плохо себя ведут, и сажает в мешок.

– А что он потом с ними делает? – пролепетал я. Это было очень интересно.

Отец так близко поднес ко мне свое лицо, что его волосатая складка почти касалась моего носа, и произнес:

– Он начинает с ног, потом туловище, в конце голова. – Он щелкнул зубами. – Он заглатывает их и трется коленями, издавая треск, как сверчок.

Сейчас, у кресла папы, когда светлячок бил крылышками у меня в ладони, тело мое холодело от ужаса от воспоминаний о том треске, который я слышал после рассказа папы, треске, издаваемом Человеком-сверчком.

В темноте грохнул еще один страшный звук.

Человек-сверчок идет за мной. Он засунет меня в свой мешок, потому что я подверг опасности жизнь новорожденного ребенка, когда поставил в его кроватку банку со светлячками. И потому что все чаще думал о жизни за пределами подвала.

Я затаил дыхание и посмотрел на окно в общей комнате. Решетки исключали мысль о побеге. Я повернулся к двери, которая никогда не открывалась. Пришлось приложить огромные усилия, чтобы заставить ноги двигаться и переместиться в другую часть комнаты. Оттуда мне был виден коридор и полуприкрытая дверь моей спальни. Мне хотелось забежать туда, спрятаться под одеяло и вцепиться пальцами в мягкую подушку.

И тут заскрипели петли двери комнаты родителей.

Я вжался в стену у проема, открывавшего путь в общую комнату.

И опять услышал.

Этот треск издавал Человек-сверчок, когда терся коленями. Я представил, как усики-антенны его подрагивают и царапают потолок, когда он пытается уловить, где я спрятался. Выпученные глаза ищут источник света, чтобы вычислить

меня по расположению тени.

Опять бух-бух. На этот раз ближе.

Прижав голову к стене, я посмотрел на свою тень на полу комнаты и услышал стук шагов. Я не сразу понял, что это не шаги, а мои зубы, но быстро закусил губу, чтобы не издавать ни звука.

Человек-сверчок открыл дверь в комнату бабушки. Значит, он пришел не за мной, а хочет украсть ребенка. Ноги мои стали каменными, и я не мог пошевелиться.

Не знаю, сколько прошло времени, но в дверях опять появился силуэт. Я представил, что в мешке чудовища лежит мой племянник, лицо его поцарапано волосатыми ногами Человека-сверчка.

Ребенок заплакал.

Однако звуки доносились изнутри комнаты. Значит, ребенок вне опасности.

Петли железной двери спальни родителей опять скрипнули, и словно по их команде мое тело обрело способность двигаться. Я оторвался от стены и бросился к себе в кровать. Упав на матрас, я одной рукой натянул простыню до самого лба, потому что в другой все еще держал светлячка.

– Ты прости меня, прости, прости, – зашептал я. – Я не хотел сделать плохо малышу. Пожалуйста, не приходи за мной.

Покрывавший мое тело пот стал ледяным. Кто-то смотрел на меня из темноты комнаты, я отчетливо ощущал это и даже слышал дыхание. Услышав первый звук, я закрыл глаза. В

комнате раздался смех. Я сразу узнал гортанный смех моего брата.

– Страшно? – спросил он и опять загоготал.

– Замолчи, он найдет нас из-за тебя.

– Кто? – сквозь смех спросил он.

– Человек, который иногда приходит, – ответил я шепотом.

Брат затих.

– Отец рассказал тебе о нем? – помолчав несколько секунд, спросил он.

– Конечно, давным-давно.

– Давным... – он сглотнул, – давно?

Брат замолчал.

– А ты не знал? – спросил я. – Человек-сверчок забирает детей, которые плохо себя ведут.

Брат опять загоготал.

– Ах да, он мне рассказывал.

Он смеялся так громко, что я не сдержался:

– Замолчи. Он ведь меня найдет.

Брат хохотал, пока не начал задыхаться, потом закашлялся. Пружины его койки скрипели.

И вдруг дверь спальни отворилась.

Человек-сверчок меня нашел.

Вспыхнул свет. От испуга я накрылся с головой простыней.

– Что происходит? – раздался голос мамы.

Я облегченно вздохнул и ответил:

– Мне страшно.

– Не с тобой, с твоим братом. – Наверху тот все еще хохотал и кашлял, хохотал и кашлял. – Ты успокоишься? – грозно спросила мама и направилась к нашей двухъярусной кровати.

Я осторожно высунулся из-под простыни и увидел маму от талии и ниже, остальная часть тела была на уровне койки брата. Он уже не смеялся, только кашлял так сильно, что почти задыхался.

– Прекрати! – выкрикнула мама. Я услышал, как она несколько раз шлепнула его пониже спины. – Сейчас же прекрати! Твой брат должен спать.

Кашель стихал.

– Что его разбудило? – грозно спросила мама и, не получив ответа, наклонилась ко мне. – Ты давно не спишь? Что ты слышал?

Мне было страшно, но я ответил:

– Я видел Человека-сверчка.

– Ты выходил из комнаты?

Светлячок, которого я искал, все еще был у меня в руке.

– Нет, – соврал я.

– Тогда где ты его видел? Здесь, в спальне?

Я покачал головой.

– Конечно, ты не мог его видеть, – произнесла мама. – Ведь его не существует. Ты же знаешь.

– Он существует! – заорал сверху брат.

Мама толкнула его.

– Не шуми, – велела она. – Все это сказки.

Мама подоткнула растянутую футболку между ног и села на край моей кровати, сложив руки на животе.

– Таких людей не бывает, – повторила она. – И никто тебя не украдет. Это твой дом, здесь нет никакой опасности. Сейчас я принесу тебе стакан молока, ты выпьешь его и заснешь. Понял?

Я неуверенно кивнул.

Я лежал тихо и вспоминал увиденный в коридоре силуэт. Потрескивание коленей, вывернутых в обратную сторону. Все было так же, как после рассказа папы о Человеке-сверчке. Тот же треск я слышал в документальном фильме о насекомых. Он появлялся тогда, когда в кино наступала ночь. Дрожь побежала по всему телу и добралась до самой шеи, будто живой сверчок карабкался по моей спине.

Вернулась мама со стаканом молока. Она протянула его мне, и я сжал его одной рукой. Не хотел, чтобы она увидела моего светлячка.

– Я подожду, пока ты выпьешь все до конца, – назидательно сказала мама.

Я выпил почти залпом.

– Станный у него вкус, – сказал я.

Мама опустила голову.

– Наверное, стакан плохо вымыла. А теперь спи.

Она взяла стакан, дождалась, пока я лягу, и накрыла меня.

– Мне все равно страшно, – прошептал я. – Вдруг я не смогу заснуть.

Пришлось долго ждать, пока уйдет мама и заснет брат. Наконец он захрапел наверху, и я положил светлячка в банку. Мне хотелось надеть сухие трусы, но я, видимо, заснул, едва подумав об этом, потому что, когда открыл глаза, моя семья уже собралась в кухне. В подвале пахло кофе и тостами. Разжав руку, я увидел раздавленную горошину.

10

Тостер выбросил хлеб, приветствовав меня в кухне. Мама подогревала молоко. Рядом на столешнице в гнезде из серого картона сидели двенадцать яиц.

– Восхитительный запах, – сказала мама. – Я знала, он нас не оставит.

– А вот и мальчик, – громко сказал папа, и мама повернулась.

– Иди сюда, я тебя обниму! – воскликнула мама, нагибаясь.

Брат, сестра, папа – все тоже обнимались.

– Этому здесь не место, – сказал отец, взял пакет риса, который брат сунул в верхний ящик, и переложил в третий снизу.

Я отодвинул стул и увидел на сиденье мешок картошки.

– Подожди. – Мама подошла и взяла его, чтобы я сел. – Видишь, ночью ты все же смог заснуть.

Я кивнул и потер глаза ладонью.

– Не слушай отца, – прошептала она прямо мне в ухо. – Сказку о Человеке-сверчке придумали специально, чтобы заставить детей слушаться.

– Но я его видел.

– Я все слышу, – произнес стоящий у холодильника папа. – Ты точно его видел. Он ведь существует на самом деле. И ходит вот так. – Он присел и сделал несколько шагов по кухне, попутно положив связку лука на полку у вытяжки в стене. – Только колени его сгибаются в другую сторону.

Мама подняла мою голову за подбородок, повернула к себе и покачала головой. Со стоном выпрямившись, она подхватила картофель и убрала в шкаф.

Вся моя семья расселась за столом.

– Кому было страшно прошлой ночью? – спросил папа, занимая свое место. – Кажется, это был не малыш. – Он жестом указал на сестру, впрочем не глянув в ее сторону. – Сначала орет ребенок, потом сын. Что происходит в этом доме?

– Я не плакал, – сказал я.

– Нет? Тогда почему маме пришлось тебя успокаивать?

– На самом деле я успокаивала твоего старшего сына, – вмешалась мама. Она поставила в центр стола миску с вареными яйцами и села. – Он смеялся и не мог остановиться.

– Давайте поедим, – фыркнула сестра. – Очень есть хо-

чется.

Отец взял столовые приборы.

– А где бабушка? – шепотом спросила мама. – Может, я схожу за ней?

Сестра потянулась и взяла яйцо. Отец хлопнул рукой по столу, будто убил комара.

– Мы не будем есть, пока не придет бабушка, – сказал он.

– А ты уверен, что она придет? – осторожно спросила мама.

– Уже иду, – раздался из коридора голос бабули.

– Уверен, – сказал отец.

– Вы меня все слышали, – донеслось из коридора. Сначала зашаркали ее тапки, потом и она сама появилась в дверях. На ней была ночная сорочка, в которой она всегда завтракала, только потом она переодевалась и надевала ее снова перед тем, как лечь спать. Седые волосы, всегда зачесанные так, чтобы скрыть плечи после пожара, сейчас падали на лицо. С двух сторон на голове зияли лысины.

– Что с твоими волосами? – спросил отец. – Мы ведь все здесь.

Бабушка быстро поправила их, как могла. Мама хотела встать, но бабуля ее остановила:

– Не беспокойся, я сама справлюсь.

Усевшись, она пригладила пряди и постаралась улыбнуться, хотя ей удалось лишь создать еще одну складку на опухшем лице.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил отец.

– А что у тебя с глазами? – поинтересовался брат.

Бабушка глубоко вздохнула и принялась нащупывать край тарелки. Затем перенесла руку вправо и коснулась седьмой тарелки. Когда она понимала, что мама опять накрыла на семерых, всегда улыбалась, но сегодня подбородок ее задрожал.

– Давайте завтракать, – сказал папа.

– Да, давайте, – поддержала бабушка. Губы ее были неестественно красными, глаза и нос опухли.

– Тебе грустно? – спросил я.

Бабуля поставила чашку на стол и промокнула губы тканевой дырявой салфеткой.

Мама давно объяснила мне, что дырки проела моль, и я долго искал личинки и яйца по всему подвалу. Я хотел накормить их своей одеждой и смотреть, как они растут. Но мама разложила во всех шкафах нафталин, потом несколько дней в подвале пахло только им.

– Вы разве не видите, что бабуле грустно? – обратился я ко всей семье.

Мама опустила голову.

Бабушка положила салфетку на колени. На ее лице я увидел смущение и отчаянную попытку улыбнуться.

– Тебя обидел Человек-сверчок? – спросил я. – Я видел, как он заходил к тебе в комнату.

На глазах бабушки появились слезы.

И тут из спальни донесся плач ребенка.

– Ты оставила его там? – спросил отец.

Бабушка заморгала, словно только вспомнила, что в доме есть младенец.

– Принеси своего сына, – велел отец сестре.

Та поставила на место банку, служившую нам сахарницей, ложка звякнула, задев ее край. Сестра повернулась к бабушке, приставила палец к своему виску и покрутила.

– Не смей так делать, – укорил отец.

– Как? – спохватилась бабушка.

– Никак, – ответила ей сестра. – Я ничего не сделала. Пойду посмотрю, что с ним.

Она положила еще ложку сахара в кофе и закрыла банку крышкой. Постояв несколько секунд, сестра опять села и положила локти на стол.

– Может, ты сходишь? – обратилась она ко мне.

– Я? Но почему я?

Сестра взяла сахарницу и принялась ее разглядывать. Она была похожа на мою банку со светлячками.

– Ну, если ты не хочешь... – Она поставила банку на стол и провела по крышке пальцем. – Тогда я могла бы...

– Ладно, – перебил я, догадавшись, что сестра меня попросту шантажирует. – Я схожу.

Она улыбнулась и отставила банку с сахаром.

– Если он плачет от голода, принеси его сюда.

Брат отодвинулся на стуле так, чтобы преградить мне до-

рогу.

– Она должна идти, а не ты, – сказал он.

Я попытался обойти его, но он отодвинулся еще дальше от стола.

– Мне все равно, кто пойдет, – смешался отец, – только идите уже. Не могу выносить его крик.

Младенец рыдал и тянулся руками к потолку, будто хотел, чтобы Человек-сверчок нашел его и унес. Я положил руку на животик племянника и стал раскачивать в стороны. Малыш успокаивался. Я поднес палец к самому его рту, он схватил его губками и стал посасывать. Вскоре на лице появилось выражение полного разочарования.

Я заметил в одном месте большой бугорок под простыней и сделал шаг в сторону. Сначала я решил, что ребенок сучит ножками, но понял, что расстояние до бугра слишком большое. Не могла же одна часть его тела отделиться и существовать сама по себе. Бугорок переместился в угол кровати. Я встал на цыпочки, чтобы взять племянника на руки. Прежде чем я успел поднять его, нечто вскарабкалось ему на грудь. Простыня справа расправилась и теперь лежала ровно на матрасе, но выпуклость появилась на груди ребенка, большая, как второе тело.

Я не успел ничего понять и разглядеть, но ощутил, как руку мою щекочут чьи-то усы, между пальцами просунулся серый нос, дернулся и попытался дотянуться до подбородка ребенка. Мой племянник просто отвернул голову.

И тут из-под простыни выползла крыса. Она засемила по щеке младенца, утопая лапками в мягкой плоти. Передние лапы нашли точку опоры на носу малыша, а задние около уха, и животное остановилось. Когти впились в кожу ребенка, и тот громко закричал. Крыса махнула хвостом и опустила кончик прямо на губы малыша. Нос тем временем стал обнюхивать его левый глаз, почти касаясь длинных ресничек.

Я дрожащими руками попытался поднять младенца. От напряжения заболели мышцы на спине.

Крыса пробежала по головке племянника, неестественно изогнула шею и спрыгнула в кроватку. Хвост мелькнул между рейками, потом в углу комнаты. Я поцеловал племянника в лобик и прижал к груди, придерживая голову сзади, чтобы шея держалась ровно. На лице у него появились две капельки крови.

– Этот ребенок когда-нибудь замолчит? – выкрикнул из кухни отец.

Я сел на пол, прислонившись спиной к кровати бабушки, и большим пальцем вытер капли крови.

– Разве так трудно его успокоить? – спросил отец.

– Если он голоден, неси его мне, – добавила сестра.

От шока у меня сжалось горло, не позволяя что-либо ответить. Я сидел и ждал, пока наконец не услышал шаги бабушки.

– Что случилось? – спросила она из коридора.

Пройдя в комнату, она наткнулась на меня и удивленно

вскинула бровь.

– Эй, что с ним? – спросила она, опускаясь на колени, и коснулась рукой малыша. – Все хорошо?

Я сглотнул ком в горле, открыл рот, но не смог ничего сказать, потому опять просто сглотнул.

– Крыса, – наконец пролепетал я сухими губами.

– Не может быть! – вскрикнула бабушка и прижала малыша к своей груди. – Где она была?

– В кровати, – сказал я. – Огромная крыса, она забралась под простыню. Потом пробежала по его лицу. Бабуля, она его поцарапала.

В комнату вошла мама, за ней отец и брат. Все столпились вокруг нас.

– Что случилось? – спросил папа.

– Спрашиваешь, что случилось? – Бабушка передала ребенка маме и поднялась на ноги. – Крыса, – сказала она, почти коснувшись носом лица папы. – Я же говорила тебе, они не дадут нам житья.

– Крыса? – Мама закрыла рот ладонью.

– Я же положил в угол яд. – Отец покрутил головой. – Может, надо больше, но из-за промедления...

– Кончено, вини во всем его, – перебила бабушка. – Он принес еще яд?

Не сказав ни слова, отец вышел, столкнувшись в дверях с сестрой. Она поправила прядь, зажатую маской, и оглядела кончики волос.

– Что происходит?

Брат взял ее за руку и потащил к ребенку, которого маме так и не удалось успокоить. Брат толкал ее в спину, пока она не упала на колени.

– Не трогай меня! – возмутилась сестра. – Отойди! Не прикасайся ко мне.

Пальцы брата, сжимавшие ее запястье, стали белыми.

– Надо лучше присматривать... – Он стал задыхаться и несколько секунд молчал, удерживая извивавшуюся сестру. – Надо лучше присматривать за ребенком, – выпалил он.

Сестра захныкала, в точности как ее сын.

– Оставь ее, – приказала мама. – Ее вины в этом нет.

– Просто случайность, – добавила сестра. – В этом подвале полно крыс.

Брат отшвырнул ее руку. Сестра принялась тереть запястье.

Вернулся папа.

– У нас есть еще коробка. – Он встряхнул ее, чтобы бабушка услышала. Коробка была красная, похожа на ту, в какой лежала крупа для каши, только меньше. Внутри желтого круга была нарисована голова крысы.

– Может быть, кто-то принесет мне аптечку из ванной? – сказала мама и подула на личико ребенка.

Сестра поднялась с пола и села на кровать. Она вытащила еще одну прядь волос из-под резинок маски и принялась разглаживать ее двумя пальцами.

– Он твой сын, между прочим, – сказала ей мама. – Забыла?

– У него еще есть и отец, – ответила сестра.

Я бросился в ванную за аптечкой. За моей спиной в спальне кто-то вскрикнул. Потом я услышал громкий шлепок.

* * *

Днем я вошел в общую комнату и сел рядом с мамой на коричневый диван. Она зашивала одну из папиных рубашек. На подлокотнике стояла коробка со швейными принадлежностями, ее мама доставала, чтобы помочь моей сестре после родов. Это была очень старая коробка из-под датского печенья. Так было написано на крышке. За нами брат крутил педали на велотренажере, одна из них каждые пять секунд задевала металлическую раму.

Я оглядел мамино лицо в профиль. С этой стороны его изменил огонь. Однажды я застал ее в кухне разглядывающей фотографию. Она касалась ее кончиками пальцев. На ней мама была прежней, до того, как мы спустились в подвал. Она стояла на большом валуне, сжимая коленями юбку. Вокруг взлетала в воздух белая пена от сильных волн, должно быть, одна из них позже обрызгала маму.

Присев, она показала мне снимок. Увидев гладкое лицо с красивыми, правильными чертами, я выхватил рамку и бросил ее на пол, стекло разбилось. Мне казалось, что передо

мною маска, как у сестры, скрывающая мамины шрамы.

Подсев к маме на диване, я положил руку так, чтобы она не двигалась, и поцеловал в щеку. Мне нравилось, когда ее глаз закрывался, нравилось прикосновение бугристой кожи, когда она целовала меня перед сном в лоб, нравилось изуродованное веко, на котором появлялись складки, когда она сосредоточенно штопала локоть на рубашке.

Мамин нос присвистнул, когда я поцеловал ее.

– Вчера Человек-сверчок приходил за мной? – спросил я, прижав губы к самому ее уху.

Плечи ее опустились, руки легли на колени поверх рубашки. Потом мама убрала нитки и иголку в железную коробку. Я провел рукой по складке между двумя суставами пальцев, потом по кружочку обгоревшей кожи у основания большого и широкому шраму на запястье.

– За тобой?

Я кивнул.

– Зачем ему за тобой приходиться?

Я вспомнил о банке со светлячками, спрятанной в ящике, и том, как серьезно мог навредить ребенку, поставив ее в кроватку. А потом и свои фантазии о жизни наверху.

– Потому что... – Я замолчал. Испугался.

– Скажи, как старик, который вообще не существует, может украсть тебя и спрятать в мешок?

Мама щелкнула меня по носу.

– Я видел его.

– Ты уверен?

Я вытаращил глаза и закивал.

– Ты уверен-уверен, что уверен?

Я знал, что мама шутит, чтобы меня запутать. Но я отчетливо видел мешок, антенны, царапавшие потолок, слышал грохот шагов и треск, когда он терся коленями.

– Я уверен-уверен. Может, он приходил за ребенком?

– За ребенком? А что плохого мог сделать малыш?

Я пожал плечами, не найдя ответа. И тут мне в голову пришла мысль.

– Мама, а вдруг Человек-сверчок – отец малыша?

Она странно подалась вперед, уронив голову, словно шея ее в одно мгновение стала мягкой, как картофельное пюре, и повернулась к брату, чтобы убедиться, что он не слышит наш разговор.

– Ты говоришь глупости, – сурово зашептала мама, глядя мне прямо в глаза. – Если бы тебя услышал отец... Сынок, прошу, послушай меня. Человека-сверчка не существует. Его нет. Тебе ничто не угрожает.

– Но, мама, я его видел.

– Человека-сверчка не существует. И ты даже не знаешь, откуда берутся дети, до этой страницы мы еще не дошли.

– Уверен, этот процесс мало отличается от размножения у насекомых, а я много читал об этом в своей книге.

Мама улыбнулась. Глаз ее закрылся.

– Поверь, сынок, очень отличается.

Мама расправила рубашку и опять достала из коробки иголку и нитки. Коробка скользнула по подлокотнику и перевернулась. Увидев рассыпавшиеся сокровища, я стал перебирать содержимое.

– А это что?

– Твои молочные зубки. – Маленькая коробочка выскользнула из моих рук и покатилась по полу. Крышка отскочила, и зубы разлетелись в стороны. Брат остановился, но не слез с велосипеда.

– Иди, иди, – сказала мама. – Я сама все соберу. Еще не хватало выколоть глаз иголкой.

Я тайком схватил один зуб, пока мама не видела, и убежал из комнаты.

В коридоре папа разговаривал через дверь с сестрой в ванной комнате. Внутри лилась вода.

– Надень, – сказал папа.

– Мне надо умыться, – послышался ответ.

– А мне надо разложить это в ванной. – Отец потряс коробкой с крысиным ядом.

– Тогда входи.

– Я не хочу любоваться твоим лицом. – Папа увидел меня и руку, теребившую резинку трусов. – И твой брат не хочет, – добавил он, подмигнув мне. – Ему тоже надо в ванную, но он не сможет войти, пока ты не прикроешь дырки, что у тебя вместо носа.

Я выпрямился и замер, прислушиваясь к журчанию воды. Дверь приоткрылась, сестра просунула руку и взяла у папы коробку. Он так и остался стоять с вытянутой рукой.

– Я сама разложу, – сказала она.

Брат в комнате перестал крутить педали и спрыгнул. Пол подрагивал, когда он маршировал по кухне. Как всегда, что-то насвистывая.

Я проглотил слюну и сжал трусы спереди.

– Твоему брату надо в туалет! – выкрикнул отец. – Немедленно надень маску.

Я услышал, как шелкнули резинки.

– Вот, молодец, – улыбнулся папа и пропустил меня вперед. – Теперь можешь войти.

Отец подождал, пока я устроюсь около унитаза.

Сестра зацокала языком.

Из комнаты послышался голос мамы:

– Прошу, заставь его прекратить. – Она имела в виду моего брата.

Папа взял стоящую на краю раковины коробку с ядом и положил на бачок унитаза.

– Ты разложишь яд, – сказал он мне. – Этой, которая в маске, я не доверяю. Один кубик под этот шкаф. – Он указал на тот, что стоял под раковиной. – И один под тот. – Отец ткнул пальцем в шкаф с полотенцами. – И один за дверь. Ты понял?

Я кивнул.

– И потом тщательно вымой руки, – добавил папа. – А то свалишься мертвым где-нибудь в уголке.

Он зашагал по коридору в кухню, где все еще маршировал, насвистывая, мой брат.

Я вытащил несколько кубиков яда из коробки. Они были бледно-голубые. Сестра следила за мной в зеркале, как я раскладываю отраву точно туда, куда велел папа. Она ударила несколько раз по струе воды, разбивая ее на брызги, и отражение маски словно размыло дождем. Когда я положил последний кубик за дверь, сестра капризно произнесла:

– Теперь я могу умыться?

Я кивнул и вышел из ванной. За мной хлопнула дверь – сестра толкнула ее изо всех сил.

Я передал коробку с ядом папе, который уже занял место на велосипеде. Он пристроил ее между балками на раме.

Возвращаясь в свою комнату, я увидел за окном две горящие зеленые точки и опасно огляделся. На мгновение в рамке дверного проема появилась мамина рука, от которой тянулась черная нить. Дверь в бабушкину комнату была закрыта, после завтрака она больше не выходила.

Два жука кружили за окном, прилипая иногда к стеклу, будто хотели заглянуть внутрь. Я открыл окно, и они опустились мне на ладонь.

– Вы прилетели сверху, так ведь? – спросил я.

В нашей спальне брат молча сидел на краю кровати. Штанины пижамы были заправлены в носки, он продолжал на-

свистывать марш через рассеченную губу. Увидев меня, он раскинул руки, как мужчина на кресте бабушкиных четок, потом поднялся и остался стоять не шевелясь.

11

Бабушка с нами не ужинала. Мы ждали ее, как и раньше за завтраком, но вскоре над тарелками с супом растекся ароматный пар, и папа разрешил нам приступать. На этот раз за дары Того, Кто Выше Всех, благодарила мама. Когда бабуля все же выбралась из своей комнаты, мы уже облепили диван со всех сторон, с экрана телевизора на нас падал свет, отраженный от снега в кино. Настало время, когда вся семья смотрела фильм.

Бабушка пошаркала к дивану и села, сложив руки на коленях. Я лежал на полу совсем рядом и сразу почувствовал запах пудры. Папа, как всегда, развалился в любимом полосатом кресле, вытянув одну ногу и положив другую, согнутую, на колено. На животе его стояла миска с арахисом, и он ловко разламывал стручок большим пальцем.

Брат спросил, можно ли ему вставить кассету в магнитофон. Он помахал ею, как драгоценным трофеем, и плюхнулся на пол у тумбы с телевизором. Мебель в комнате задрожала. Брату удалось выполнить желаемое с третьей попытки. Сестра захлопала в ладоши.

Она тоже сидела на полу и укачивала ребенка. Малыш,

к счастью, спал. Стоящая рядом мама вытирала тарелки и легонько шлепнула сестру полотенцем по голове, чтобы та не насмеялась над братом.

– Осторожно, у меня на руках ребенок, – возмутилась сестра и повернулась к маме спиной, будто защищая сына.

– Да брось ты! – усмехнулась мама и опять шлепнула ее полотенцем.

– Мама! – взвизгнула сестра.

Та улыбнулась и пошла к раковине. Она редко смотрела фильм, сидя вместе со всеми, как правило, ходила туда-сюда. Или вытирала посуду. Или обсуждала что-то с бабушкой, или отбирала картофель для обеда на завтра. Или стояла у дивана и грызла ногти, следя, чтобы они не падали на пол. Она хранила их во рту, пока не доходила до последнего пальца, а потом выплевывала в мусорное ведро. Ногти у мамы всегда были в зазубринах и походили на маленькие пилы.

– Включайте, я сейчас подойду! – крикнула она из кухни.

Но мы знали, что она не сядет.

– А можно и мне посмотреть? – спросил я, не отрывая щеку от пола. Я лежал, раскинув руки в стороны. Мне нравилось ощущать прохладу керамической плитки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.